

ДЖЕЙН

ОСТЕН

ЭММА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Джейн Остин

Эмма

«АСТ»

1815

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Остин Д.

Эмма / Д. Остин — «АСТ», 1815 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-105077-1

У Эммы Вудхаус есть все – любящий отец, состояние, популярность в обществе, красота и острый ум, – нет только мужа. Но она и не торопится связывать себя узами брака, предпочитая заниматься налаживанием личной жизни подруг и приятельниц, благодаря чему и попадает постоянно в самые неожиданные и забавные ситуации...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105077-1

© Остин Д., 1815

© АСТ, 1815

Содержание

Книга I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	39
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	60
Глава 14	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джейн Остен

Эмма

Книга I

Глава 1

Эмму Вудхаус всякий назвал бы любимицей Провидения: будучи хороша собой, умна и богата, она имела веселый нрав и превосходный дом. Ей посчастливилось прожить без малого двадцать один год, почти не ведая печали.

Младшая дочь нежнейшего и во всем ей потакавшего отца, вследствие замужества сестры Эмма рано сделалась хозяйкою имения. Матушка ее скончалась так давно, что оставила о своих ласках лишь самые смутные воспоминания. Место покойной заняла гувернантка – добрейшая женщина, силою привязанности к воспитаннице почти не уступавшая родной матери.

Скорее друг семьи, нежели прислуга, мисс Тейлор провела в доме Вудхаусов шестнадцать лет, полюбив обеих хозяйских дочек, особенно Эмму. Узы, их соединявшие, были сродни сестринским. Даже в ту пору, когда мисс Тейлор еще не сложила с себя полномочий домашней учительницы, она по своей природной мягкости почти ничего не запрещала девочке. Теперь же они были совершенно на равной ноге – как ближайшие подруги. Эмма высоко ценила мнение мисс Тейлор, однако руководствовалась прежде всего своим собственным и делала что ей заблагорассудится.

Та свобода, которая предоставлялась Эмме в некотором избытке, и то суждение о себе (слишком лестное), которое она имела, являли собою самые неблагоприятные стороны ее положения и грозили омрачить многие ее радости. Правда, жалеть о таком воспитании ей до сей поры не случалось, ибо угроза оставалась очень уж малозаметной.

Когда Эмму впервые посетила печаль, то была печаль не самого тягостного свойства, не повлекшая за собой раскаяния. Причиною явилось замужество мисс Тейлор и последующее расставание с ней. На свадьбе любимой подруги Эммой, прежде не ведавшей сколько-нибудь продолжительной грусти, владели невеселые мысли. Когда же празднество завершилось, а гости разъехались, отец и дочь остались вдвоем. Теперь подле них не было никого, кто мог бы развеять скуку долгого вечера. Отуживав, мистер Вудхаус по обыкновению задремал, а Эмма, за неимением более приятного занятия, предалась размышлениям о том, чего лишилась.

Самой же мисс Тейлор замужество не сулило ничего, кроме счастья. Мистер Уэстон был человек превосходного характера, достаточного состояния, подходящего возраста и приятных манер. С самоотречением, свойственным истинной дружбе, Эмма всегда желала и добивалась для мисс Тейлор именно такой партии, однако единственной радостью, которую доставили ей эти хлопоты, была радость от сознания собственного великодушия. Предвидя, как тягостно будет ежедневно, ежечасно ощущать отсутствие подруги, Эмма вспоминала, сколь много доброты и нежности та подарила ей за долгие шестнадцать лет. Приняв на себя попечение о пятилетней малютке, мисс Тейлор, не жалея сил, учила и развлекала ее в здравии, терпеливо ухаживала за нею в пору всевозможных детских болезней. За все это Эмма была в великом долгу перед своей гувернанткой, однако с еще более теплой признательностью вспоминала последние семь лет их ничем не стесненной дружбы. После замужества старшей сестры младшая осталась с мисс Тейлор один на один и обрела компаньонку, лучше которой нельзя было пожелать: умную, образованную, услужливую, в мельчайших подробностях знавшую уклад жизни семейства и равнодушную ко всему, что его касалось, – в особенности к тому, что касалось самой

Эммы, ее радостей и замыслов. Такой компаньонке она могла тотчас поверить любую мысль, не боясь осуждения, ибо столь нежная любовь никогда не позволит бранить свой предмет.

Под силу ли было Эмме пережить произошедшую перемену? Расстояние, отделившее ее от подруги, составляло каких-нибудь полмили, но она понимала, сколь много несходства между собою обнаружат миссис Уэстон, живущая в полумиле, и мисс Тейлор, жившая дома. При всех благах, которыми наделили Эмму природа и семья, ее уму грозило совершенное одиночество: как ни любила она своего папеньку, в приятели ей он не годился и разговора, серьезного или шуточного, поддержать не умел.

Большое различие в возрасте (мистер Вудхаус женился не рано) усугублялось несходством привычек и склонностей. Будучи слаб здоровьем, отец Эммы всегда избегал утруждать ум и тело, а потому по образу жизни своей был много старше, нежели по летам, и хоть все любили мистера Вудхауса за приветливость и доброе сердце, никто и никогда не ставил высоко его талантов.

Сестра Изабелла, выйдя замуж, уехала в Лондон, от которого Хартфилд, имение Вудхаусов, был удален не так уж сильно: всего лишь на шестнадцать миль, – однако видеться с нею часто все же не представлялось возможным. Долгими октябрьскими и ноябрьскими вечерами Эмма томилась в ожидании Рождества, когда Изабелла, ее муж и маленькие дети наконец-то приезжали и дом снова оживал.

Имея собственную лужайку, собственную кустарниковую аллею и собственное имя, Хартфилд, по сути, принадлежал к Хайбери – большой деревне, почти не уступавшей городу числом жителей, – однако и среди них Эмма не могла найти для себя подходящей компании. Вудхаусы были здесь самым знатным семейством, и все смотрели на них снизу вверх. Поскольку отец не чуждался соседей, Эмма имела много знакомых, но никто даже на полдня не заменил бы ей мисс Тейлор. Посему отъезд подруги очень опечалил девушку. Теперь она только и делала, что вздыхала и мечтала о невозможном до тех пор, пока не проснется отец, в чьем присутствии следовало держаться бодро, ибо дух его нуждался в поддержке. Человек нервного склада, склонный к унынию, он боялся перемен и, легко привязываясь ко всем, кто его окружал, тяжело переживал любую разлуку. Вступление же в брак как причина расставания казалось ему событием особенно прискорбным. Невзирая на то что Изабелла любила своего супруга, мистер Вудхаус, так и не смирившийся с ее замужеством, говорил о ней с неизменным сожалением. Теперь же примеру старшей дочери последовала мисс Тейлор. В силу извечного своего незлобивого эгоизма мистер Вудхаус не мог представить, чтобы другие имели чувства, несхожие с его собственными, а потому думал, будто, выйдя замуж, бывшая гувернантка опечалила себя так же, как и хозяев прежнего своего дома: мисс Тейлор была бы намного счастливее, если бы провела всю оставшуюся жизнь в Хартфилде. Силясь отвлечь отца от подобных мыслей, Эмма усердно улыбалась и щебетала, и все же за чаем мистер Вудхаус не мог не повторить слов, сказанных им за обедом:

– Бедняжка мисс Тейлор! Жаль, что она приглянулась мистеру Уэстону!

– Не могу с вами согласиться, *рара*. Мистер Уэстон – человек превосходный. Он добронравен, учтив и заслуживает хорошей жены. А мисс Тейлор? Неужели вы бы желали, чтобы она навеки осталась здесь терпеть мои причуды, когда могла бы иметь собственный дом?

– Собственный дом? Много ли ей от него проку? Наш в три раза просторней. А ты, душенька, никаких причуд не имеешь.

– Мы ведь станем часто навещать Уэстонов, а они – нас! Будем видеть друг друга каждый день! Начать следует нам: мы должны в ближайшее же время нанести новобрачным визит.

– Но, душенька, разве по силам мне такой путь? До Рэндалса далеко, мне и половины не пройти.

– Никто не говорит, *рара*, чтобы вы шли пешком. Мы, конечно же, поедem в экипаже.

– В экипаже? Джеймс не захочет его закладывать ради столь незначительного расстояния. И где быть бедным лошадам, пока мы в доме?

– Их отведут в конюшню, *papa*. Вы же помните, что мы с мистером Уэстоном обо всем вчера договорились. И о Джеймсе не беспокойтесь: он охотно повезет нас в Рэндалс в любое время, ведь его дочь служит там в горничных. Я даже сомневаюсь, уговорим ли мы его поехать куда-либо, кроме Рэндалса! Это ваша заслуга, *papa*. Никому и в голову не приходило нанять Ханну, пока вы ее не рекомендовали. Теперь Джеймс очень обязан вам за то, что вы устроили дочку на такое славное место!

– Я и сам этому рад. Не хотелось бы мне, чтобы Джеймс думал, будто мы его не ценим. А из девушки, наверное, получится отличная служанка. Она учтива, при встрече со мною всякий раз приседает и справляется этак любезно о моем здоровье. А когда ты приглашала ее в наш дом шить, я заметил, что она не хлопала дверью и поворачивала ручку как полагается. Да, прекрасная выйдет горничная – утешение для бедной хозяйки, которой приятно будет иметь рядом знакомую душу. А Джеймс, навещая дочку, станет привозить известия о нас. От него мисс Тейлор всегда узнает, в добром ли мы здравии.

Не щадя сил, Эмма поддерживала в своем папеньке бодрое расположение духа. Прибегнув к игре в триктрак, она надеялась кое-как скоротать вечер с отцом и отвлечь от огорчительных мыслей себя самое. Игральный столик принесли, но надобность в нем отпала, ибо вошел посетитель.

Мистер Найтли, рассудительный джентльмен лет тридцати семи или восьми, не только был давним и близким другом Вудхаусов, но даже состоял с ними в родстве как старший брат мужа Изабеллы. Жил он примерно в миле от Хайбери, приезжал часто и всегда встречал радушный прием. Однако сегодня хозяева обрадовались ему еще более обыкновенного, так как приехал он прямо из Лондона, от их общих родных. После нескольких дней отсутствия мистер Найтли вернулся домой к позднему обеду и теперь прибыл в Хартфилд сообщить, что на Брансуик-сквер все здоровы. Приход гостя на какое-то время приободрил мистера Вудхауса – мистер Найтли своей веселостью благотворно влиял на старика. Получив обстоятельные ответы на свои бесчисленные вопросы о «бедняжке Изабелле» и ее детках, хозяин с благодарностью произнес:

– Как любезно с вашей стороны, мистер Найтли, что вы навестили нас в столь поздний час! Боюсь, вам пришлось вытерпеть пренеприятную прогулку.

– Отнюдь, сэр. Сегодня светит луна, и вечер выдался замечательно теплый. Потому я и сел подальше от вашего камина.

– Но за окном, должно быть, очень сыро и грязно. Как бы вам не простудиться!

– Грязно, сэр? Взгляните на мои туфли. На них ни пятнышка!

– Это весьма удивительно после такого ливня, какой сегодня был. Целых полчаса, пока мы сидели за завтраком, шел ужаснейший дождь. Мне даже подумалось, что свадьбу надо бы отменить.

– Между прочим, я ведь вас не поздравил! Догадываясь, как вы оба рады, я не стану торопиться с изъявлениями восторга. Просто позволю себе понадеяться, что все прошло терпимо. Как вы держались? Кто пролил больше слез?

– Ах, бедная мисс Тейлор! Как это печально!

– С вашего позволения, я бы сказал «бедные мистер и мисс Вудхаус», но никак не «бедная мисс Тейлор». При всем моем почтении к вам и Эмме, когда дело касается зависимого или независимого положения... Во всяком случае, угождать одному лучше, чем двоим.

– Особенно если кто-то из этих двоих несносное капризное создание! – заметила Эмма игриво. – Ведь вы это хотели сказать? Да-да, хотели, я знаю! И сказали бы, если б здесь не было папеньки.

– Сей упрек представляется мне весьма справедливым, душенька, – вздохнул мистер Вудхаус. – Боюсь, я и в самом деле порой бываю несносен.

– Мой дорогой *papa*! Ни я, ни мистер Найтли не имели в виду вас! Как только вы могли такое подумать! Ах нет, я имела в виду исключительно себя самую. Мистер Найтли, знаете ли, любит меня побранить – шутливо, конечно же. Мы с ним привыкли говорить друг другу все, что заблагорассудится.

Мистер Найтли был, по существу, одним из немногих, кто видел в Эмме Вудхаус недостатки, и единственным, кто ей на них указывал. Малоприятное для нее самой, это обстоятельство было бы еще менее приятным для ее родителя, посему она не спешила внушать ему сомнения в том, что его дочь – образец совершенства для всех окружающих.

– Я и вправду никогда не лщу Эмме, – отвечал мистер Найтли, – однако сейчас не хотел ни о ком сказать дурно. Просто до сих пор мисс Тейлор угождала вам двоим, а теперь будет угождать одному лишь мужу и, вполне вероятно, выиграет от нового своего положения.

– Что ж, – молвила Эмма, решив переменить предмет разговора, – вы, кажется, желали узнать, как прошла свадьба. С радостью сообщаю вам, что она прошла изумительно. Все было без опоздания и в лучших нарядах, никто не уронил ни слезинки. Едва ли за столом можно было видеть хотя бы одно печальное лицо. Ведь мы помнили о том, что молодые станут жить всего лишь в полумиле от нас, а значит, смогут видаться с нами ежедневно.

– Моя дорогая Эмма держится мужественно, – сказал ее отец, – но на самом деле, мистер Найтли, ей очень жаль терять бедную мисс Тейлор, и я уверен, что тосковать она будет сильнее, нежели теперь себе представляет.

Эмма отворотила лицо, не зная, плакать или улыбаться.

– Не может быть, чтобы она не скучала по такому другу, – ответил мистер Найтли. – Если б мы могли это предположить, мы не любили бы ее так сильно. Однако она понимает, что замужество сделает мисс Тейлор счастливее, что той давно уже пора обзавестись собственным домом и иметь надежный доход. Посему радость должна быть сильнее печали. Всем друзьям мисс Тейлор надлежит радоваться столь удачному ее замужеству.

– Вы позабыли еще одно обстоятельство, очень для меня отрадное и притом весьма значительное, – сказала Эмма. – Этот брак я устроила сама. Еще четыре года назад я замыслила выдать мисс Тейлор за мистера Уэстона. Многие не верили, что он пожелает повторно жениться, однако мои старания оказались ненапрасными, и это служит мне большим утешением.

Мистер Найтли покачал головой, а мистер Вудхаус с нежностью произнес:

– Ах, душенька! Все, что ты ни предскажешь и за что ни возьмешься, непременно сбывается. Прошу тебя, не устраивай больше браков!

– Обещаю вам, *papa*, не искать партии для себя самой, однако не делать этого для других я не могу. Ведь на свете нет ничего занятнее! Все говорили, будто свадьбе мисс Тейлор и мистера Уэстона не бывать. Он, дескать, давно уже вдовствует и совершенно привык обходиться без жены. Вечно хлопочет в городе по своим делам или же проводит время среди друзей, а поскольку человек он веселый, у него их так много, что ему ни единого вечера в году не приходится сидеть в одиночестве, ежели только он сам того не пожелает. Нет, нет! Мистер Уэстон никогда более не женится!.. Судачили даже о некоей клятве, якобы данной им покойнице жене. А кто-то уверял, будто сын и дядя ему препятствуют. Каких только глупостей не говорили на сей счет пресерьезнейшим тоном, но я ни единому слову не верила. Я помнила о том дне (это было четыре года назад), когда мы с мисс Тейлор встретили мистера Уэстона на Бродвей-лейн. Стало моросить, и он с такою галантностью поспешил на ферму Митчелла за зонтиками для нас, что я тотчас все решила. Теперь же мой замысел счастливо осуществился. Успех окрылил меня, дорогой *papa*, и я уж более не могу не думать об устройении браков для прочих наших друзей.

– Не понимаю, что вы подразумеваете под успехом, – возразил мистер Найтли. – Успех предполагает усилия. Хорошо же вы провели четыре года вашей жизни, если в самом деле неустанно хлопотали об этой свадьбе! Подходящее занятие для юной девы! Однако сдается мне, что на деле все ваши хлопоты свелись к праздному восклицанию: «Ах как славно бы было, ежели бы мистер Уэстон женился на мисс Тейлор!» Положим, впоследствии вы время от времени повторяли про себя эти слова. Но коли так, с чего же вам говорить об успехе? В чем заключена ваша заслуга? Чем вы гордитесь? Вы сделали предположение и угадали – только и всего.

– Если вам неведомо, какое наслаждение порою дарит верная догадка, то мне вас жаль. Я лучше думала о вашем уме. Поверьте: чтобы угадывать, одного везения мало. Для этого нужен своего рода талант. А что до несчастного слова «успех», которое так вам не понравилось, то я не возьму в толк, почему бы мне его не сказать. Вы нарисовали две чудные картины, но не хватает третьей, которая изображала бы нечто среднее между полным бездействием и кипучей деятельностью. Если бы я не поощряла визиты мистера Уэстона в наше имение, не делала маленьких намеков и не улаживала маленьких затруднений, никакой свадьбы, вероятно, и не было бы. Полагаю, вы достаточно хорошо знаете жизнь в Хартфилде, чтобы это понимать.

– Такому прямодушному открытому мужчине, как Уэстон, и такой разумной, чуждой всякого притворства женщине, как мисс Тейлор, вполне можно было доверить решение их собственной судьбы. Ваше вмешательство скорее могло повредить вам самой, нежели помочь им.

– Эмма никогда о себе не думает, если может сделать добро другим, – вновь вмешался мистер Вудхаус, лишь отчасти понимавший суть разговора. – Но, душенька, молю тебя, не устраивай новых браков. Замужество – преглупейшая вещь, которая самым печальным образом разрывает круг семьи.

– Позвольте мне, *рара*, подыскать хотя бы еще одну партию – для мистера Элтона. Бедный мистер Элтон! Он же нравится вам, *рара*, и я должна найти ему жену. Только вот в Хайбери нет девушки, его достойной, а он уже прожил здесь целый год и прекрасно обставил свой дом. Как будет досадно, если он надолго останется холостяком! Сегодня, соединяя руки новобрачных, он так на них глядел, словно и сам желал оказаться по другую сторону алтаря. Я придерживаюсь самого высокого мнения о нем, и единственное, чем могла бы ему услужить, – это устроить его брак.

– Мистер Элтон, несомненно, весьма приятный молодой человек, и я высоко его ценю. Однако, душенька, ежели ты хочешь выказать ему расположение, то пригласи его как-нибудь к нам отобедать. Это будет гораздо лучше. Смею предположить, что мистер Найтли любезно согласится встретить гостя.

– Когда вам будет угодно, сэр, с превеликим удовольствием, – засмеялся мистер Найтли. – И я полностью с вами согласен: это в самом деле было бы куда уместнее. Пригласите его к обеду, Эмма, угостите отменным цыпленком и вашими лучшими рыбными блюдами, но жену дозвольте ему выбирать по собственному усмотрению. Верьте моему слову: мужчина двадцати шести – двадцати семи лет способен сам о себе позаботиться.

Глава 2

Мистер Уэстон родился в Хайбери в почтенном семействе, каждое новое поколение коего превосходило предшествующее воспитанием и богатством. Получив хорошее образование, он рано унаследовал небольшой капитал, позволявший жить независимо, а потому, в отличие от братьев, не пожелал посвятить себя прозаическому труду. По своему бодрому деятельному уму и общительному нраву он избрал службу в милиционной армии¹ графства, которая в ту пору созывалась.

Капитан Уэстон пользовался всеобщим расположением, посему, когда причудливая судьба военного человека свела его с мисс Черчилл, дочерью знатного йоркширского семейства, и та в него влюбилась, никто не был удивлен за исключением ее брата и невестки. Эти двое, никогда не выдавшие мистера Уэстона, столь кичились своей фамильной честью, что сочли такой союз недостойным.

Однако мисс Черчилл, будучи совершеннолетней, обладала правом по собственному усмотрению распоряжаться приданым (которое, надобно сказать, составляло весьма незначительную долю имения семьи) и разубедить себя не позволила. Влюбленные поженились – к бесконечному неудовольствию мистера и миссис Черчилл, которые, соображаясь со своими понятиями о благопристойности, поспешили исключить сестру из семейного круга. Неравный брак оказался не слишком счастливым. Миссис Уэстон могла бы найти в нем немалую выгоду, ибо обрела супруга с горячим и добрым сердцем, который считал себя в неоплатном долгу перед ней за великую честь быть ею избранным. Однако сама она, обладая некоторою силою духа, великодушием не отличалась. У нее достало твердости для того, чтобы пойти наперекор воле брата, но любовь отнюдь не избавила ее от неразумных сожалений и не оградила от тоски по былой роскоши. Капитан Уэстон делал ради жены долги, и все же ее замужняя жизнь не шла ни в какое сравнение с девической. Не перестав любить своего супруга, молодая дама желала быть одновременно миссис Уэстон и мисс Черчилл из поместья Энском.

Что до самого капитана Уэстона, то его брак, сказочно выгодный в глазах света и особенно в глазах Черчиллов, на деле выгоды ему не принес. Когда после трех лет супружества жена умерла, он обнаружил, что первоначальному его состоянию причинен существенный ущерб, и притом теперь ему надлежало заботиться о ребенке. От последней обязанности капитан Уэстон, однако, вскоре был избавлен. Ребенок послужил отчасти к его примирению со свойственниками, чей гнев смягчила продолжительная болезнь сестры. Вскоре после ее кончины они, не имея собственных детей или других воспитанников, выразили желание полностью взять на себя попечение о маленьком Фрэнке. Овдовевший отец, вероятно, не желал разлуки с сыном, однако разумные соображения одержали в нем верх, и мальчик был отдан на воспитание богатым родственникам, а сам капитан Уэстон отныне не имел иных целей, кроме как содержать самого себя и по мере возможности поправлять свое состояние.

Для достижения сей цели необходимы были большие перемены. Подав в отставку, мистер Уэстон занялся торговлей. Братья, уже успевшие развить в Лондоне собственное дело, способствовали его успеху на этом поприще. Посвящая немало времени новому занятию, дни досуга он проводил большею частью в Хайбери, где у него оставался домишко. Так, в трудах и в радостях дружеского общения, протекли следующие лет восемнадцать-двадцать жизни мистера Уэстона. За эти годы он приобрел средства вполне достаточные, чтобы купить имение близ Хайбери (то было давним его желанием), снова жениться (хотя бы и на бесприданной гувернантке) и жить сообразно своему дружелюбному нраву.

¹ Британская милиция XVIII в. представляла собой непрофессиональные резервные войска, формировавшиеся для защиты графств от нападения извне и поддержания порядка на их территории. – *Здесь и далее примеч. пер.*

С некоторых пор определенное место в помыслах мистера Уэстона стала занимать мисс Тейлор, однако влияние, оказываемое ею, не имело того тиранического характера, какой носит любовь юных сердец, и потому оно не поколебало его решимости не заключать нового брачного союза до приобретения Рэндалса. Прежние хозяева не спешили с продажей имения, однако мистер Уэстон ждал, упорно придерживаясь намеченного плана. Теперь он достиг всего, к чему стремился: сколотил состояние, обзавелся домом и женою. Новая страница его жизни обещала стать счастливее всех предшествующих, хотя несчастен он не был и прежде. Даже в годы первого брака природная веселость не позволяла мистеру Уэстону предаваться унынию, новый же союз сулил ему подлинное наслаждение жизнью с разумной и добросердечной женщиной. Второбрачному вскоре предстояло не без приятности убедиться, что выбирать много лучше, чем быть выбранным, а получать благодарность лучше, чем испытывать ее.

Будучи полным хозяином в своем доме, мистер Уэстон мог жениться, не сообразуясь ни с чьим мнением, кроме собственного. Фрэнк, воспитывавшийся на правах негласного наследника дяди, по достижении совершеннолетия стал таковым по форме, получив фамилию Черчилл, и теперь отцовское состояние едва ли имело для него какой-нибудь вес. Мистер Уэстон был спокоен за будущность сына, ибо по доброте своей натуры не мог предположить, чтобы своенравие миссис Черчилл, привыкшей во всем руководить мужем, могло достичь степени, опасной для любимого племянника, тем паче что последний, по убеждению отца, вполне заслуживал любви. Мистер Уэстон ежегодно видел сына в Лондоне и гордился им. Более того, благодаря отцовским рассказам юноша сделался предметом своеобразной гордости для всего Хайбери. Считая Фрэнка Черчилла своим земляком, местные жители смотрели на его таланты и блестящие перспективы как на совместное достояние.

Следствием этого явилось всеобщее желание видеть молодого человека воочию. Он, однако, не отвечал родине своего отца таким же любопытством. До сих пор Фрэнк ни разу не был в Хайбери. Его приезда ждали, а он все не приезжал.

Теперь же, когда мистер Уэстон женился, соседи единогласно заключили, что визит сына к отцу, верно, состоится в скором времени. Являлась ли миссис Перри на чаепитие к миссис и мисс Бейтс или же миссис и мисс Бейтс пили чай у миссис Перри, иного мнения на этот счет никто не высказывал. Всеобщая надежда на встречу с мистером Фрэнком Черчиллом только окрепла, когда стало известно, что он прислал своей новоиспеченной мачехе поздравительное письмо. На протяжении следующих нескольких дней ни один утренний визит в Хайбери не обходился без упоминания об этом проявлении любезности.

– Полагаю, вы слыхали, какое письмо получила недавно миссис Уэстон? Мистер Фрэнк Черчилл ее поздравил, причем, насколько мне известно, весьма учтиво. Мне рассказал мистер Вудхаус, а он видел письмо своими глазами, что вовеки не встречал людей, которые бы так красиво изъяснялись.

В хайберийском обществе едва ли нашелся бы человек, не превозносивший достоинств этой эпистолы. Сама миссис Уэстон, разумеется, составила весьма лестное представление о молодом человеке. Приятный знак внимания неизбежно послужил для нее доказательством ума и благонравия пасынка, дополнив те добрые пожелания, которые она уже получила в разнообразных выражениях от многочисленных поздравителей. Достаточно пожив на свете, чтобы знать, как велика ее удача в глазах людей, миссис Уэстон в самом деле считала себя счастливейшей женщиной, чье блаженство омрачает лишь одно – разлука с дорогими друзьями, которых, верно, опечалил ее отъезд из их дома.

Вчерашняя мисс Тейлор знала: по ней будут скучать. Сама мысль о том, что любимая воспитанница лишится по ее вине хотя бы малейшего удовольствия или хотя бы час проведет в тоске, причиняла ей боль. Однако Эмма отнюдь не была существом слабым и в гораздо большей степени, чем многие другие барышни, соответствовала тому положению, которое занимала. Разумная, смелая и деятельная, она имела достаточно сил, чтобы благополучно пережить

небольшое огорчение. Кроме того, миссис Уэстон очень утешала малая удаленность Рэндалса от Хартфилда: в хорошую погоду даже женщина легко могла преодолеть это расстояние пешком без провожатых, а склонности и обстоятельства мистера Уэстона позволяли надеяться на то, что даже предстоящая осень не помешает подругам проводить вместе половину вечеров на неделе.

Говоря вообще, замужнее положение внушало миссис Уэстон чувство благодарности, которому она могла предаваться часами, в то время как грусть о старой жизни владела ею лишь мимолетными мгновениями. Ее удовольствие – вернее сказать, ее радостное упоение – было столь оправданно и столь очевидно, что даже Эмма, превосходно знавшая своего отца, удивлялась его способности по-прежнему жалеть «бедняжку мисс Тейлор», когда он прощался с нею в ее уютном доме или же видел, как она, ведомая под руку учтивым мужем, садится в собственный экипаж. Всякий раз, провожая новоиспеченную миссис Уэстон из Хартфилда, мистер Вудхаус тихо вздыхал: «Ах, бедная мисс Тейлор! До чего ей тяжело уезжать!»

Умерить отцовскую жалость к бывшей гувернантке казалось Эмме так же невозможно, как и вернуть ее самое. Однако по прошествии нескольких недель скорбь мистера Вудхауса несколько ослабла. В первое время после свадьбы его дразнили соседские похвалы и пожелания счастья по случаю того, что представлялось ему бедою, однако теперь поток поздравлений иссяк. Был съеден свадебный торт – еще одна причина его беспокойства. Поскольку собственный желудок мистера Вудхауса не принимал ничего жирного, он думал, что и другим людям не может быть от такой пищи ни радости, ни пользы. Вредное для себя старик считал вредным для всех, потому сперва уговаривал невесту вовсе не подавать гостям торт, а когда увидел, что его увещевания напрасны, попытался деятельно воспрепятствовать соблюдению сего свадебного обычая, обратившись за поддержкою к аптекарю мистеру Перри – человеку умному и образованному, чьи частые визиты доставляли мистеру Вудхаусу большое утешение. Аптекарь вынужден был признать (вероятно, вопреки собственной склонности), что свадебный торт в самом деле может повредить многим – пожалуй, даже большинству – в случае неумеренного его поглощения. Утвержденный в своем первоначальном мнении, мистер Вудхаус принялся уговаривать каждого гостя не кушать торта, и до тех пор, пока лакомство не съели, нервы доброго хозяина пребывали в постоянном расстройстве.

По Хайбери пронесся странный слух: всех маленьких Перри якобы видели на улице с кусками свадебного торта миссис Уэстон, – однако мистер Вудхаус отказывался этому верить.

Глава 3

Мистера Вудхауса отличала довольно-таки своеобразная общительность. Он любил визиты друзей и, к своему удовольствию, мог часто ими наслаждаться, чему способствовал целый ряд причин: продолжительность его проживания в Хартфилде, добродушный нрав, немалый достаток, отличный дом и прелестная дочь. С людьми, не входившими в тесный дружеский кружок, мистер Вудхаус дела имел мало, поскольку боязнь поздних выездов и многочисленных торжеств делала старого джентльмена пригодным для дружбы лишь с теми, кто готов был посещать его в удобные ему часы. По счастью, Хайбери и Рэндалс, а также аббатство Донуэлл (вотчина мистера Найтли, принадлежащая соседнему приходу) поставляли мистеру Вудхаусу немало вполне подходящих знакомых. Изредка, поддавшись уговорам Эммы, старик приглашал избранных отобедать в Хартфилде, однако простое тихое времяпрепровождение было ему более по нраву. Если только отец не мнил себя больным, Эмма почти что каждый вечер звала к нему тех, с кем он мог сыграть партию.

Уэстонов и мистера Найтли приводила к Вудхаусам подлинная старинная дружба. Что до мистера Элтона, молодого человека, жившего в одиночестве и отнюдь им не наслаждавшегося, то он никогда не упускал случая скоротать время в элегантной хартфилдской гостиной, где собиралось небольшое общество, душою которого была очаровательная хозяйка.

После вышеупомянутых наиболее частыми гостями Хартфилда следует назвать миссис и мисс Бейтс, а также миссис Годдард – трех леди, почти всегда готовых явиться на зов. Поскольку Джеймсу приходилось привозить или отвозить их едва ли не ежедневно, мистер Вудхаус, привыкший к этому, отнюдь не боялся перегрузить его или лошадей. Между тем, если бы леди приезжали раз в год, те же самые хлопоты казались бы старику ужасно обременительными.

Миссис Бейтс, вдова прежнего викария Хайбери, ввиду своей старости не годилась ни для чего, кроме чаепития и игры в кадрили. Весьма стесненная в средствах, она жила с незамужней дочерью и встречала со стороны соседей такое участие и уважение, какое только может внушать к себе безобидная бедная старушка. Что до мисс Бейтс, то для старой девы, не блестящей ни красотой, ни богатством, она имела исключительно обширный круг знакомств. Ее обстоятельства, на первый взгляд, как нельзя менее располагали к популярности. Мисс Бейтс не обладала таким умом, который, будь это необходимо, позволил бы ей оградить себя от колкостей и принудить окружающих к соблюдению хотя бы внешней почтительности. Имея заурядную внешность и посредственные способности, она прожила молодые годы, не будучи никем замечена, а зрелость ее протекала в заботах о дряхлеющей матери и отчаянных попытках обеспечить их маленькому семейству скромный доход. И все же мисс Бейтс была счастливой женщиной – женщиной, о которой никто не мог отзываться дурно. И причиной тому служило ее собственное всеобъемлющее доброжелательство: она любила каждого, каждому от души желала счастья, в каждом охотно видела достоинства. Себя самое мисс Бейтс считала удачливейшим созданием, поскольку имела превосходную мать, много добрых друзей и соседей, а также дом, в котором всего довольно. Простота и веселость нрава, умение радоваться малому и быть благодарной снискали мисс Бейтс всеобщее расположение и явились основой ее счастья. А склонность много говорить о малозначительных предметах объясняла особое расположение к ней со стороны мистера Вудхауса, который и сам любил посудачить о мелочах и безобидно посплетничать.

Миссис Годдард содержала школу. Заведение, ею руководимое, было именно школой, а не благородным пансионом или институтом, где языки и искусства преподаются совместно с утонченной моралью на основании всевозможных новомодных принципов, облеченных в бессмысленные витиеватые фразы, а родители вносят огромную плату за то, чтобы из их дочерей

делали барышень слабого здоровья, однако весьма сильно развитого тщеславия. Нет, миссис Годдард возглавляла простую старомодную школу, в которой можно было приобрести умеренные знания по умеренной цене и куда родители отправляли дочерей, чтобы те не мешались понапрасну дома, а хотя бы с грехом пополам получили образование, не рискуя обременить свои умы излишней ученостью. Заведение миссис Годдард ценилось высоко и заслуженно отчасти потому, что воздух Хайбери считался отменно здоровым. Школа располагалась в просторном доме с садом, детям давали вдоволь полезной пищи, летом они бегали на приволье, а зимой, если кому случалось обморозиться, начальница собственными руками перевязывала их покрасневшие ручонки. При такой материнской заботе о воспитанницах не следовало удивляться тому, что в церковь следом за миссис Годдард тянулись вереницей двадцать пар девочек. Эта простая добрая женщина, проводшая юность в упорном труде, заслужила право время от времени порадовать себя чаепитием в кругу друзей, а поскольку в прежние годы она была многим обязана мистеру Вудхаусу, то почитала своим долгом при всякой возможности покидать маленькую аккуратненькую гостиную, увешанную образчиками девичьего рукоделия, чтобы выиграть или проиграть несколько шестипенсовых монеток у хартфилдского камина.

Забываясь о времяпрепровождении своего папеньки, Эмма не могла не радоваться почти неизменной готовности трех вышеназванных дам составить ему компанию, однако для нее самой их общество отнюдь не восполняло отсутствия миссис Уэстон. Видя, что отец приятно проводит время в кружке созванных ею гостей, Эмма радовалась за него и гордилась собою, однако, слушая скучную болтовню трех добрых женщин, она безо всякого удовольствия думала о том, сколь долгая череда таких нескончаемых вечеров ждет ее впереди.

Утром одного из дней, обещавших завершиться вышеописанным образом, мисс Вудхаус получила от миссис Годдард записку, в которой та почтительно испрашивала разрешения привести с собою мисс Смит – девицу семнадцати лет. Эмма знала ее в лицо и, высоко ценя за красоту, давно желала с нею познакомиться, а потому ответила на записку сердечным приглашением и стала ждать вечера с гораздо большей радостью, нежели обыкновенно.

Харриет Смит была внебрачной дочерью неизвестного в Хартфилде родителя. Несколько лет назад он поместил ее в школу миссис Годдард, а по окончании курса обучения оставил в доме означенной дамы на правах квартирантки. Такова была общеизвестная история этой девушки. На днях она воротилась от школьных подруг, надолго приглашавших ее к себе в деревню. Друзей, помимо приобретенных в Хайбери, она как будто бы не имела.

Наружность Харриет очень приходилась по вкусу Эмме. Невысокая и пухленькая, мисс Смит была белолица, светловолоса и голубоглаза. Правильное личико с нежным румянцем производило впечатление удивительной миловидности. Поскольку манеры девушки также отличались приятностью, хозяйка Хартфилда, прежде чем вечер подошел к концу, исполнилась твердого намерения продолжать знакомство.

Ничто в речах мисс Смит не поразило Эмму особенным остроумием, и все-таки беседа с нею показалась ей в целом прекрасным проведением времени. Харриет держалась с застенчивостью, не создававшей неловкости, говорила охотно, но не назойливо, выказывала надлежащую почтительность к хозяевам и трогательную благодарность им за то, что она допущена в дом, где все внушает ей неподдельное восхищение, ибо не идет ни в какое сравнение с той скромной обстановкой, к которой она привыкла. Такая милая разумная девушка, несомненно, заслуживала поощрения. Не следовало допускать, чтобы эта природная грация и эти ласковые голубые глаза оказались достоянием низших сфер хайберийского общества. Знакомства, сделанные мисс Смит прежде, были для нее неподходящи. Друзья, с которыми она недавно рассталась, даже будучи в своем роде очень славными людьми, только вредили ей. Эмма хорошо их знала: они, Мартини, жили в приходе Донуэлл, где арендовали большую ферму у мистера Найтли, и тот прекрасно о них отзывался. Однако, при всем трудолюбию и благонравии, Мартини оставались неотесанными невеждами, а посему не могли быть подходящей компанией

для девушки, которой следовало приобрести лишь еще немного знаний и утонченности, чтобы явить собою образец совершенства. Эмма приблизит Харриет к себе, отполирует, оградит от нежелательных знакомств и введет в хорошее общество, станет влиять на ее мнения и манеры. То будет интереснейшее и благороднейшее занятие, как нельзя лучше отвечающее положению, склонностям и способностям Эммы Вудхаус.

Хозяйка дома так любовалась гостей, так увлеченно говорила и слушала, одновременно строя планы, что время пролетело на удивление быстро, и она даже не заметила, как стол для ужина, обыкновенно завершавшего вечер, накрыли и придвинули к камину, хотя прежде ей приходилось ждать этого момента долго и томительно. Привыкшая все делать на совесть и потому всегда усердно исполнявшая свои хозяйские обязанности, сегодня она, воодушевленная новыми идеями, принялась потчевать собравшихся цыплячьими биточками и запеченными устрицами с особенным радушием, перед которым, как было ей известно, гости не могли устоять.

В минуты таких застолий ум мистера Вудхауса охватывало смятение. С одной стороны, ему нравилось щедро угощать друзей по обычаю своих молодых лет, с другой же – он считал привычку ужинать крайне вредной для пищеварения. Движимый гостеприимством, старый джентльмен не скупился на яства, но, заботясь о здоровье визитеров, сокрушался при виде того, как эти яства поглощаются. Ничего сверх тарелочки жиденькой кашицы вроде той, что стояла перед ним самим, он не мог предложить своим друзьям со спокойной душой. И все же, пока дамы с аппетитом поедали блюда более сытные, он принуждал себя говорить: «Не отважитесь ли вы, миссис Бейтс, отведать одно из тех яичек? Яйцо, ежели сварить его всмятку, вреда не причинит. Мой повар, как никто, знает толк в варке яиц. Я не советовал бы вам кушать яйцо, сваренное кем-нибудь другим. Но не нужно бояться: взгляните, как наши яйца малы! Одно такое маленькое яичко вам не повредит. Мисс Бейтс, позвольте Эмме положить вам кусочек пирожка – совсем-совсем небольшой. У нас пекут пироги исключительно с яблоками. Не беспокойтесь, в них нет ничего нездорового. А вот от заварного крема лучше воздержаться. Миссис Годдард, не желаете ли полбокальчика винца? Ежели влить полбокальчика винца в бокал воды, ничего дурного, я думаю, не случится».

Не препятствуя отцу высказываться в таком духе, дочь обыкновенно потчевала гостей куда сытнее. Сегодня же ей особенно хотелось, чтобы они разъехались по домам довольными. И та радость, которую испытала мисс Смит, вполне соответствовала замыслу хозяйки. Эмма занимала в хайберийском обществе положение столь высокое, что перспектива быть ей представленной поначалу внушала Харриет более страха, нежели удовольствия, однако по завершении вечера благодарное сердце скромной девушки переполняло восторг, вызванный тем неизменно любезным обращением, которого удостоила ее мисс Вудхаус, на прощание даже пожавшая ей руку!

Глава 4

Харриет Смит стала в Хартфилде частой гостьей. Привыкшая действовать быстро и решительно, Эмма безотлагательно принялась поощрять ее к тому, чтобы бывать в поместье запросто. К обоюдному удовольствию обеих барышень их знакомство переросло в дружбу. Как Эмма и ожидала, Харриет оказалась вполне подходящей компаньонкой для прогулок. Прежде эту роль исполняла миссис Уэстон, чье отсутствие было весьма ощутимо для Эммы: мистер Вудхаус никогда не удалялся за пределы кустарниковой аллеи, хождением вдоль которой, долгим или недолгим, смотря по погоде, ограничивался его собственный моцион, а большей частью и моцион его дочери. После замужества гувернантки она решилась было раз прогуляться до Рэндалса одна, однако прогулка не доставила ей удовольствия, а посему следовало найти приятельницу, в любое время готовую ее сопровождать. Узнав Харриет ближе, Эмма нашла свой выбор вполне удачным и утвердилась в желании облагодетельствовать девушку.

Харриет была, конечно, не очень умна, зато мила, покладиста, щедра на признательность и чужда самодовольства. Руководство всякого, кто стоял выше ее, принималось ею с охотой. Она скоро привязалась к Эмме, тем самым проявив стремление к хорошему обществу, а также умение отличить ум и элегантность, свидетельствовавшее пусть не о развитости суждений, но по меньшей мере о развитости вкуса. Одним словом, Харриет Смит была именно тем, чего недоставало Хартфилду и его хозяйке. О втором таком друге, как миссис Уэстон, Эмма не мечтала, ибо не следует желать невозможного. То чувство, совершенно особенное по характеру, основывалось на уважении и благодарности. Для бывшей своей воспитательницы Эмма ничего не могла сделать, поскольку та ни в чем не нуждалась, зато для Харриет могла сделать все, и именно этим мисс Смит была ей мила.

Ее попытки быть полезной начались с того, что она постаралась дознаться, кто родители девушки. Та, готовая отвечать на любые другие вопросы, на этот ответить не смогла, предоставив своей покровительнице простор для фантазии. Будь на месте Харриет сама Эмма, она непременно доискала бы правды. Мисс Смит же, по-видимому, вполне удовлетворялась тем, что слышала от школьной начальницы, и дальнейших справок не наводила.

Миссис Годдард, учительницы, одноклассницы, дела школы – таков был круг предметов, о которых Харриет рассуждала, ежели не считать Мартинов, подолгу занимавших ее мысли. Проведя на их ферме два счастливейших месяца, она любила рассказывать об удобствах и прелестях тамошней жизни. Эмма, поощрявшая в своей протее разговорчивость, с охотой воображала себе быт и нравы чуждого сословия, изумляясь простодушному восхищению, с каким девушка говорила о том, что у миссис Мартин две гостиные, «обе очень хорошие, одна так прямо не меньше гостиной миссис Годдард», что старшая горничная служит в доме уже двадцать пять лет и что в хозяйстве восемь коров, в числе которых пара олдернейских и одна валлийская, «небольшая и такая миленькая». Видя, как последняя пригласилась гостье, миссис Мартин даже сказала: «Теперь станем звать ее коровкой мисс Смит». А в саду у Мартинов чудесная беседка, где в следующем году они все вместе непременно выпьют чаю – «прекрасная беседка, которая вместит целую дюжину человек».

Подобные разговоры забавляли мисс Вудхаус до тех пор, пока она не разгадала истинной причины восторга, владевшего новой компаньонкой. Эмма ошибочно полагала, будто семейство состоит из матери, дочери и сына с женою. Мистер Мартин, о котором Харриет отзывалась с неизменною похвалой, был не женат, а посему в глазах Эммы его гостеприимство и доброта стали являть собою угрозу для бедной маленькой мисс Смит, которая при отсутствии должной дружеской заботы могла непоправимо запутаться в расставленных для нее силках.

Подстрекаемая этой тревожной мыслью, Эмма принялась настойчивее расспрашивать Харриет о фермере, и та охотно поведала своей покровительнице, как он присоединился к

барышням во время веселых вечерних игр и прогулок при луне, как приятно и услужливо держался. Однажды, когда она случайно обмолвилась, что любит грецкие орехи, он принес их ей, исходив три мили вокруг. Да и в остальном мистер Мартин всячески угождал молоденькой гостье. Как-то раз нарочно привел в дом пастушонка, чтобы тот для нее спел, ведь она обожает пение. Он и сам немного поет. А человек он умный, во всем смыслит. И стадо у него отличное: покуда Харриет гостила на ферме, никому другому в целой округе не давали такой хорошей цены за шерсть. Ни от кого не слыхала она дурного слова о мистере Мартине. Матушка и сестрицы души в нем не чают. Миссис Мартин однажды сказала (говоря об этом, Харриет покраснела), что лучшего сына и желать нельзя, а потому и муж из него, верно, выйдет превосходный. Не то чтобы она хотела поскорее его женить – спешка в таком деле ни к чему. «Да вы, миссис Мартин, ловки! – подумала Эмма. – Знаете, как добиться своего».

– А когда я уехала, они любезно послали миссис Годдард отличного гуся – прежде миссис Годдард никогда таких не видала. Она велела зажарить его в воскресенье и пригласила всех трех учительниц: мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон – отужинать с нею.

– Полагаю, мистер Мартин не обладает обширными познаниями за пределами своих фермерских занятий. Он, наверное, ничего не читает?

– Ах нет! То есть да... То есть... не знаю. По-моему, читает он много, только не то, что вы бы одобрили. Он выписывает агрономический журнал, да еще кое-какие книги лежат у него возле окна. Большей частью мистер Мартин читает про себя. Но вечерами, прежде чем садиться играть в карты, он порой читал нам вслух что-нибудь занимательное из «Изящных извлечений». А еще он, я знаю, читал голдсмита «Векфилдского священника». О «Романе в лесу»² или «Детях аббатства»³ он не слыхал, но, как только я о них упомянула, решил непременно прочесть.

– А хорош ли мистер Мартин собой?

– Сперва мне показалось, что он чересчур прост, однако теперь как будто уже не кажется. К человеку, знаете ли, всегда привыкаешь со временем. Только неужто вы ни разу его не видали? Он каждую неделю непременно проезжает мимо Хайбери по пути в Кингстон. Думаю, вы часто могли видеть его близ Хартфилда.

– Быть может, я видела его полсотни раз, однако не знала, кто он таков. Молодые фермеры, верховые или пешие, отнюдь не вызывают у меня любопытства. Йомены – люди совсем не того сорта, чтобы я имела с ними дело. Бедняки, ежели их наружность внушает доверие, легче привлекают к себе мое внимание, поскольку они, вероятно, нуждаются в помощи. Но фермеру я ничем помочь не могу.

– Ах да, конечно. Едва ли вы знаете мистера Мартина. А вот он знает вас очень хорошо – только в лицо, хочу я сказать.

– Не сомневаюсь, что мистер Мартин очень достойный молодой человек. Я даже уверена в этом и желаю ему добра. Каков, по-вашему, его возраст?

– В июне, восьмого числа, ему минуло двадцать четыре, а мое рождение двадцать третьего – всего лишь на две недели и один день позднее. До чего удивительно!

– Только двадцать четыре? Он слишком молод, чтобы обзаводиться семейством. Верно говорит его матушка: торопиться ему не следует. Они и так, насколько я понимаю, живут в довольстве, а ежели поспешить с женитьбой, то можно и пожалеть. Вот если лет этак через шесть он повстречает хорошую девушку своего сословия с небольшим приданым, это, пожалуй, будет очень хорошо.

– Шесть лет!... Дорогая мисс Вудхаус, ему же будет тридцать!

² Готический роман Анны Радклиф, опубликованный в 1791 г.

³ Готический роман Регины Марии Рош, опубликованный в 1796 г.

– Именно в этом возрасте обыкновенно и позволяют себе жениться мужчины, которые не родились богатыми. Мистеру Мартину, я полагаю, только предстоит еще обеспечить себе состояние. Едва ли у него есть средства. Сколько бы он ни унаследовал от отца и какова бы ни была его доля семейного имущества, все, наверное, пущено в дело – на покупку стада и так далее. При усердии и везении он, возможно, разбогатеет когда-нибудь, но сейчас у него, вернее всего, ничего нет.

– О, конечно, однако живут они очень хорошо. Мужской прислуги, правда, в доме не держат, однако более ни в чем не нуждаются. К тому же миссис Мартин поговаривает о том, чтобы нанять мальчика в будущем году.

– Как бы вы не совершили ошибку, Харриет, если он вздумает жениться. Я имею в виду, что вам не следует знакомиться с его женой. В вашей дружбе с девицами Мартин, пожалуй, нет ничего очень уж дурного, ведь они получили образование, но та, на ком он женится, может оказаться вовсе не подходящей для вас компанией. Имея в виду несчастливые обстоятельства вашего рождения, вы должны выбирать друзей с особенной осторожностью. Вне всякого сомнения, вы дочь джентльмена. Доказывайте это всеми доступными вам средствами, иначе вы доставите многим людям удовольствие вас унижить.

– Да-да, конечно. Только пока я здесь, в Хартфилде, и вы так добры ко мне, мисс Вудхаус, я совсем никого не боюсь.

– Вы верно понимаете, Харриет, как много значит протекция, однако можете так укрепиться в хорошем обществе, что не будете зависеть даже от Хартфилда и мисс Вудхаус. Я очень хочу, чтобы вы приобрели прочные связи, а для этого важно не иметь неподобающих знакомств. Посему, если ко времени женитьбы мистера Мартина вы будете в этих краях, не следует допускать, чтобы ваша дружба с его сестрами сблизила вас еще и с его женой, которая, вероятно, окажется простой фермерской дочерью безо всякого образования.

– Конечно. Правда, мне думается, что мистер Мартин подыщет себе образованную девушку. И хорошо воспитанную. Хотя с вашим мнением я не спорю и, конечно же, не стану знакомиться с ней. Я очень уважаю обеих мисс Мартин, особенно Элизабет, и мне будет жаль с ними расстаться: ведь они образованны не хуже моего, – но ежели мистер Мартин женится на невежественной вульгарной женщине, то я, само собой, лучше не стану ее посещать без большой необходимости.

Наблюдая за своей протее в минуту произнесения этой извилистой речи, Эмма не усмотрела тревожных симптомов любви. Фермер всего-навсего первый обожатель Харриет, а кроме того, ничто ее к нему не привлекает. Следовательно, она не станет противиться тем знакомствам, которые мисс Вудхаус для нее устроит.

На следующий день они повстречали мистера Мартина на дороге, ведущей в Донуэлл, – он шел пешком. Очень почтительно взглянув на молодую госпожу, он с самым неподдельным удовольствием посмотрел на ее спутницу. Эмма рада была, что представилась возможность его увидеть. Пока беседовали молодые люди, она, пройдя несколько ярдов вперед, успела неплохо изучить мистера Роберта Мартина. Вид он имел очень аккуратный и казался разумным молодым человеком, но более никаких достоинств не обнаруживал. В сравнении с мужчинами высшего сословия он, несомненно, должен был утратить для мисс Смит всякую привлекательность, ведь Харриет умела ценить светское обхождение. Не случайно же она, не будучи никем понуждаема, с восхищением и даже изумлением отметила благородные манеры мистера Вудхауса. Ну а мистер Мартин, ежели судить по наружности, вовсе не знал, как следует держаться в обществе.

Не желая заставлять мисс Вудхаус ждать, Харриет побеседовала с ним каких-нибудь несколько минут, после чего подбежала к своей покровительнице с улыбкой, выдававшей радостное волнение, которое, как та надеялась, должно было скоро пройти.

– Кто бы мог подумать, что мы его повстречаем! До чего удивительно! Он только случайно не пошел в обход через Рэндалс и совсем не ожидал нас здесь увидеть. Думал, мы чаще ходим той дорогой, которая ведет на Рэндалс. «Роман в лесу» он еще не достал. В прошлый раз, когда был в Кингстоне, совсем захлопотался и забыл, но завтра пойдет туда опять. Ну до чего же все-таки удивительно, что мы его повстречали! А как он вам показался, мисс Вудхаус? Таков он, каким вы его себе представляли? Очень он, по-вашему, прост?

– Да, наружность у него, несомненно, самая заурядная. Однако хуже то, что он совершенно чужд всякой элегантности. От него нельзя было многого ожидать, и все же я несколько удивилась, увидев в нем такую неуклюжесть. Он напрочь лишен манер. Признаться, я думала, он окажется на ступеньку-две поближе к высшему сословию.

– Ах да, конечно, – откликнулась мисс Смит подавленно, – манеры у него не такие, как у настоящего джентльмена.

– Полагаю, Харриет, с тех пор как стали бывать у нас, вы достаточно повидали истинно образованных и элегантных мужчин, чтобы различия между ними и мистером Мартином бросились вам в глаза. У нас в Хартфилде вы видели джентльменов наилучшего воспитания, и я даже удивлюсь, если теперь вы сможете продолжать это ваше прежнее знакомство, не глядя на мистера Мартина как на существо низшее и не спрашивая себя с недоумением, чем же он привлекал вас до сих пор. Разве ваши мысли не таковы? Разве при этой встрече вы не были неприятно поражены? Неужели вас не повергла в недоумение его неловкость, отрывистость его речей, грубость голоса? Стоя здесь, я слышала, что он говорит так, будто пилит одну и ту же струну.

– О, разумеется, он не чета мистеру Найтли. У мистера Найтли такая поступь, такая изысканная манера держаться!.. Я отчетливо вижу различия. Но очень уж необыкновенный мужчина мистер Найтли!

– Мистер Найтли таков, что сравнивать мистера Мартина с ним было бы даже несправедливо. Не в каждой сотне джентльменов найдется один, чье благородство так же очевидно, как у мистера Найтли. Однако в нашем доме вы познакомились не только с ним. Что бы вы сказали о мистере Уэстоне или мистере Элтоне? Сравните мистера Мартина с любым из них. Приглядитесь к их манерам: держаться, ходить, разговаривать, молчать, – и непременно увидите разницу.

– О да! Она огромна! Но мистер Уэстон уже почти старый: ему ведь, наверное, лет сорок, а то и все пятьдесят.

– И от этого его хорошие манеры особенно ценны. Чем старше мужчина становится, Харриет, тем для него важнее не быть неотесанным, тем отвратительнее выглядит грубость, громогласность, неуклюжесть. Что еще терпимо в человеке, пока он молод, с годами становится невыносимым. Если мистер Мартин уже сейчас неловок и неучтив, то каким же он будет в возрасте мистера Уэстона?

– Этого нельзя знать наверняка, – ответила Харриет довольно мрачно.

– Зато можно предположить с немалой долей вероятности. Он превратится в грубого толстого фермера, который не уделяет ни малейшего внимания наружности и ни о чем не заботится, кроме прибыли и убытков.

– В самом деле? Это будет очень дурно.

– Если мистер Мартин позабыл о книге, вами рекомендованной, это само по себе достаточно явственно свидетельствует о том, насколько он поглощен фермерскими делами. Рынок так завладел его умом, что он ни о чем другом более не думает. Для человека, занятого приобретением состояния, это вполне естественно. К чему ему книги? Без сомнения, состояние мистер Мартин наживет и станет со временем очень богатым человеком, посему его грубость и невежество не должны нас заботить.

В ответ Харриет сказала только одно:

– Для меня удивительно, что он позабыл о книге.

Чтобы то неудовольствие, с каким произнесены были эти слова, пустило в душе девушки крепкие корни, Эмма сочла благоразумным немного помолчать, а затем снова взялась за дело:

– Вероятно, в одном отношении мистер Элтон превосходит и мистера Найтли, и мистера Уэстона. Его манеры более изысканны, и их смело можно принимать за образец поведения. Мистер Уэстон отличается открытостью и прямоотой, доходящей почти до резкости. В нем эти черты приятны, ибо сочетаются с добрейшим нравом, однако подражать ему не следует. Точно то же можно сказать и о мистере Найтли: решительный властный тон очень подходит его лицу и фигуре, а также вполне соответствует положению, но ежели какой-нибудь молодой человек вздумает его копировать, то будет нестерпим. А вот мистер Элтон, напротив, может служить отличным примером для каждого. Он добр, весел, любезен, элегантен. На мой взгляд, в последнее время его манеры сделались особенно хороши. Уж не знаю, Харриет, не хочет ли он добиться расположения одной из нас. Не говорила ли я, как он о вас на днях отозвался?

И Эмма повторила похвалу, которую выманила у мистера Элтона с тем, чтобы теперь пустить в ход. Харриет зарделась, заулыбалась и поспешила заверить, что всегда считала его очень приятным джентльменом.

Мистер Элтон был именно тем, с чьей помощью мисс Вудхаус вознамерилась вытеснить молодого фермера из головки своей протезе. Партия казалась Эмме отличной – даже чуточку слишком желательной, естественной и возможной, чтобы ей, хозяйке Хартфилда, поставили в заслугу заключение такого союза. Она боялась, что и все окружающие станут прочить мисс Смит в жены мистеру Элтону. Как бы то ни было, она наверняка всех опередит, ведь план созрел у ней в тот самый вечер, когда Харриет впервые переступила порог ее дома, ну а впоследствии, чем долее она думала, тем более утверждалась в своем изначальном намерении. Положение мистера Элтона представлялось ей весьма подходящим: он истинный джентльмен и неподобающих связей не имеет, притом не настолько знатен, чтобы его семья стала противиться браку с Харриет по причине ее незаконнорожденности. Он может предложить будущей жене хороший дом и, судя по всему, немалый достаток: вверенный ему хайберийский приход невелик, однако говорят, будто у него есть кое-какие собственные средства, – словом, добронравный и благонадежный молодой человек, наделенный практическим умом и недурно знающий жизнь.

То, что мистер Элтон счел ее подругу красивой, весьма обнадежило мисс Вудхаус. С его стороны, как она полагала, более ничего и не потребуется при условии частых встреч в Хартфилде. Ну а на Харриет должна произвести действенное впечатление сама мысль о том, что он оказал ей предпочтение. Такой приятный молодой человек почти наверняка понравится женщине, если только она не очень придирчива. Все считают мистера Элтона красивым и вообще достойным восхищения, хотя, на собственный вкус Эммы, ему недостает столь важной для нее изысканности черт. Так или иначе, девушка, пришедшая в восторг оттого, что фермер Мартин привез ей грецких орехов, едва ли сможет устоять перед похвалами такого джентльмена, как мистер Элтон.

Глава 5

– Не знаю, каково ваше мнение, миссис Уэстон, – сказал мистер Найтли, – но я нахожу, что эта близость между Эммой и Харриет Смит не сулит ничего доброго.

– Вы в самом деле так полагаете? Но отчего же?

– Думаю, то влияние, какое они оказывают друг на друга, едва ли можно считать благотворным.

– Вы меня удивляете! Эмма влияет на Харриет наилучшим образом, да и ей самой хорошо оттого, что она не тоскует более в одиночестве. Я с большой радостью наблюдала их дружбу. Ах, до чего же различны наши суждения! Неужто вы в самом деле опасаетесь, будто мисс Вудхаус и новая ее приятельница повредят друг другу? Уже не впервые мы с вами расходимся во мнениях об Эмме. Как бы нам не поссориться вновь!.. Мистер Уэстон, будь он дома, несомненно поддержал бы меня, поскольку мысли наши совершенно схожи. Не далее как вчера мы с ним говорили о том, какое это везение для Эммы, что в Хайбери отыскалась столь подходящая девушка. Вы, мистер Найтли, не можете быть в подобных делах справедливым судьей, ибо привыкли жить в одиночестве и не знаете ценности хорошей компании. Да и ни один другой мужчина, пожалуй, не поймет, как важно для дамы женское общество, ежели она с детства к нему привыкла. Могу догадаться, чем вам не угодила Харриет Смит. Вы скажете, что подруга Эммы должна быть лучше образованна, но она стремится просвещать свою протеже, а это будет способствовать собственному ее просвещению. Ради Харриет Эмма сама намерена больше читать.

– Она намеревается больше читать с тех пор, как ей минуло двенадцать лет. Я не раз видел составленные ею списки книг – превосходных книг, расположенных либо по алфавиту, либо в ином порядке. Перечень, который она составила четырнадцатилетней девочкой, свидетельствовал о таком отменном вкусе, что некоторое время я даже хранил этот листок у себя. Вероятно, и нынешний ее список не хуже. Но чтобы Эмма в самом деле всерьез взялась за чтение – этого я давно уже не жду. Она никогда не посвятит себя занятию, для которого требуется прилежание и терпение, а также главенство разума над фантазией. Не побоюсь заявить, что Харриет Смит бессильна там, где не преуспела даже мисс Тейлор. Ведь признайтесь: в бытность свою под вашей опекой Эмма не читала и половины того, что вы ей предлагали.

– Я и сама так думала прежде, – ответила миссис Уэстон с улыбкой, – но с тех пор, как мы разлучились, я не могу припомнить, чтобы Эмма оставила без внимания хотя бы одну мою просьбу.

– Я отнюдь не желаю воскрешать в вас подобные воспоминания, – с чувством произнес мистер Найтли, – и все же, не будучи так зачарован Эммой, я не могу не видеть, не слышать и не помнить. То, что в своей семье она смышленнее всех, испортило ее. В десять лет она, к несчастью, уже могла отвечать на вопросы, затруднявшие семнадцатилетнюю сестру. Эмма всегда была импульсивна и уверена в себе, Изабелла – медлительна и робка. А с тех пор как ей исполнилось двенадцать, Эмма получила над вами полную власть, сделавшись хозяйкой в доме. Потеряв мать, она лишилась единственного человека, который мог бы ее обуздать.

– Если бы, покинув дом Вудхаусов, я принуждена была искать себе нового места с рекомендательным письмом от вас, мистер Найтли, то мое положение оказалось бы незавидным. Едва ли вы отозвались бы обо мне с похвалой. Вы всегда считали меня негодной для той должности, которую я занимала.

– Да, – улыбнулся он, – нынешнее ваше место подходит вам куда лучше. Вам пристало быть женой, а не гувернанткой, и все те годы, что прожили в Хартфилде, вы готовили себя к роли образцовой супруги. Быть может, Эмма не получила от вас того образования, какое сулили ваши способности, однако вы сами многому у нее научились: приобрели необходи-

мое для супружеской жизни умение подчинять свою волю воле другого и поступать так, как должно. Посему, ежели бы Уэстон, выбирая жену, обратился ко мне за рекомендацией, я бы, не колеблясь, назвал ему мисс Тейлор.

– Благодарю вас, но быть хорошей спутницей такому человеку, как мистер Уэстон, – заслуга невеликая.

– Что ж, пожалуй, до сих пор вам и в самом деле не многое приходилось терпеть при всей вашей расположенности проявлять терпение. Однако не будем отчаиваться: мистер Уэстон может прийти в раздражение от избытка удобства или же его сын чем-нибудь ему досадит.

– Надеюсь, этого не произойдет. Нет, мистер Найтли, не предрекайте моему мужу огорчений такого рода. Они маловероятны.

– Я и не предрекаю, а лишь перечисляю возможное. В отличие от Эммы я не наделен даром предсказывать и угадывать. Мне остается только всем сердцем надеяться, что молодой человек добродетелен, как истинный Уэстон, и богат, как истинный Черчилл. Но вернемся к Харриет Смит, о которой я еще многого не сказал. Худшей компании для Эммы невозможно и придумать, ибо, будучи невежественна сама, она смотрит на мисс Вудхаус как на идеал ученой и на каждом шагу ей льстит. Такая лесть вдвойне опасна, поскольку непредумышленна. Ежечасные проявления необразованности Харриет несут в себе похвалу Эмме, и она, конечно же, не будет заниматься собственным образованием, покуда рядом есть кто-то ниже ее. Что же до мисс Смит, то и ей дружба с Эммой, полагаю, не на пользу. Сделавшись в Хартфилде частой гостьей, она станет свысока смотреть на другие дома, более для нее подходящие. Единственным следствием утонченности, которую девушка приобретет, явится то, что она будет чувствовать себя чужой в кругу равных ей по рождению и положению. Между тем я сомневаюсь, чтобы просветительские усилия Эммы сколько-нибудь укрепили ум Харриет и развили в ней мудрую стойкость к превратностям ее судьбы. Они лишь немного добавят ей лоска.

– Или я лучшего мнения о здравомыслии Эммы, нежели вы, или же больше пекусь о ее удовольствии – во всяком случае, их дружба с Харриет меня отнюдь не огорчает. Стоит хотя бы вспомнить, как прелестна была наша мисс Вудхаус вчера!

– Я вижу, вы более расположены говорить о ее внешности, чем об умственном состоянии. Превосходно. Не стану отрицать, что Эмма была миловидна.

– Миловидна? Скажите лучше «прекрасна»! Можете ли вы представить себе женщину, более близкую к идеалу красоты и лицом, и фигурой?

– Признаюсь, воочию не часто увидишь столь приятную наружность. Однако я старый друг семьи и потому сужу предвзято.

– Какие у нее глаза! Самого настоящего орехового цвета, и как блестят! А правильность черт, а открытая улыбка, а нежность щек! Она воплощение цветущего здоровья! До чего прямая и стройная, в меру рослая фигура! Не только в румянце, но и в том, как она держится, как поворачивает голову, как глядит, ощущается сила и свежесть. «Так и пышет здоровьем!» – говорят обыкновенно о детях, но то же самое можно сказать и об Эмме, хоть она уже не ребенок. Она само очарование, разве нет, мистер Найтли?

– Не нахожу в ее внешности никакого изъяна, – отвечивал он. – Все ваши слова о ней кажутся мне справедливыми. Эмма очень приятна моему взгляду, и в довершение вашей похвалы скажу, что она, насколько я могу судить, не чванится своей красотой. Для девушки столь привлекательной наружности она как будто бы мало об ней думает. Тщеславие Эммы имеет другой источник. И вам, миссис Уэстон, меня не переубедить: я по-прежнему считаю, что дружба с Харриет Смит повредит им обоим.

– А я, мистер Найтли, не менее тверда в своем мнении: никакой беды от этой дружбы не будет. При всех своих маленьких недостатках наша дорогая Эмма – чудесное создание. Нигде вы не сыщете более преданной дочери, более доброй сестры и более искреннего друга. Нет-нет, мы должны ей доверять: она никого не направит по дурному пути и не станет упорствовать

в собственных ошибках. В том, в чем она хоть раз допустила оплошность, она впоследствии сто раз будет права.

– Так и быть, довольно я вам докучал. Пускай Эмма остается ангелом, а свой сплин я приберегу до Рождества, когда приедут Джон и Изабелла. Джон любит Эмму разумной и потому не слепой любовью, а Изабелла обо всем думает так же, как ее муж, если только он не проявляет чуточку больше спокойствия в отношении здоровья детей. Уверен, что смогу заручиться поддержкой этой четы.

– Я знаю, вы слишком любите Эмму, чтобы быть к ней несправедливым или недобрым, но простите меня, мистер Найтли, если возьму на себя смелость... Полагаю, в разговоре об Эмме мне отчасти позволительна та вольность, на которую имела бы право ее мать... Итак, я возьму на себя смелость заявить, что, если вы станете обсуждать с родными Эммы дружбу между нею и Харриет Смит, вам ничего не удастся этим достичь. Какие бы маленькие неудобства ни проистекали из их знакомства, не следует ожидать, что Эмма положит ему конец ранее, чем оно перестанет быть ей самой в радость. Ведь она не отчитывается в своих поступках ни перед кем, кроме отца, который вполне одобряет мисс Смит. Я долго наставляла других по обязанности своей службы, посему, мистер Найтли, не удивляйтесь, что я в силу старой привычки решила и вам дать небольшой совет.

– Я несколько не удивлен, – воскликнул мистер Найтли, – и даже весьма признателен вам! Совет ваш очень хорош, и его постигнет лучшая участь, нежели та, которая постигала многие другие ваши советы. Я ему последую.

– Миссис Джон Найтли может встревожиться из-за сестры. Ее спокойствие так легко нарушить!

– Будьте уверены, я не стану поднимать шум. Оставлю свои опасения при себе. То участие, которое я принимаю в Эмме, совершенно искренно. По-сестрински она ничуть не менее близка мне, чем Изабелла, и пробуждает во мне не меньший, а, пожалуй, даже больший интерес. Эта девушка способна внушать и беспокойство, и жгучее любопытство. Хотел бы я знать, какая будущность ее ждет!

– Я также, – мягко ответствовала миссис Уэстон, – очень хотела бы это знать.

– Она вечно твердит, что никогда не выйдет замуж, чему, конечно же, не следует придавать значения. Интересно, видела ли она хоть раз мужчину, который стал бы ей небезразличен. Найти достойный предмет для любви, влюбиться и испытать некоторые сомнения во взаимности собственных чувств – вот что пошло бы Эмме на пользу. Увы, в наших краях нет никого, кто был бы способен вызвать в ней интерес, а далеко от дома она уезжает редко.

– В действительности, – промолвила миссис Уэстон, – у Эммы нет покамест ни малейшего соблазна переменить свое мнение относительно супружества. Но покуда она счастлива в Хартфилде, я не желаю ей такой привязанности, которая может весьма опечалить бедного мистера Вудхауса. Я бы не посоветовала Эмме торопиться с замужеством, хотя против брака как такового я, уверяю вас, ничего не имею.

Слова эти были сказаны миссис Уэстон отчасти ради того, чтобы по мере возможности скрыть те мысли, которые она вместе со своим мужем втайне лелеяла. Хозяева Рэндалса питали определенные надежды относительно будущего Эммы, однако предпочитали хранить их в тайне. Между тем мистер Найтли невозмутимо переменял предмет разговора, спросив: «Какого Уэстон мнения о нынешней погоде? Ждать ли нам дождя?» – и хозяйка уверилась в том, что и суждения, и догадки гостя о положении дел в Хартфилде исчерпаны.

Глава 6

Эмма не сомневалась в том, что направила воображение Харриет в верное русло и нашла подходящую цель для ее помыслов, питаемых молодым тщеславием, ибо та стала обращать заметно больше внимания на достоинства мистера Элтона, который сделался в ее глазах джентльменом исключительно приятной наружности и галантных манер. Не скупясь при каждом удобном случае намекать своей приятельнице на то, что мистер Элтон ею восхищен, Эмма вскорости вполне уверилась в самом благосклонном к нему расположении с ее стороны. Сам же мистер Элтон, по абсолютному убеждению хозяйки Хартфилда, если не был уже влюблен, то стоял на прямом пути к тому, чтобы влюбиться. Он хвалил мисс Смит с такой теплотой, которая обещала непременно перерасти в любовь – стоило лишь самую малость подождать. Причем одним из приятнейших симптомов его растущей привязанности к Харриет явилось признание им того, сколь улучшились манеры девушки с тех пор, как она стала вхожа в дом Вудхаусов.

– Вы дали мисс Смит все, чего ей не доставало, – сказал мистер Элтон однажды. – Она и прежде была прелестным созданием, но, на мой взгляд, то, что усвоено ею от вас, несоизмеримо выше подаренного природой.

– Я рада, если оказалась полезной для Харриет, однако она не нуждалась ни в чем, кроме разве что каких-то мелких штрихов. Кротость нрава и очаровательная безыскусственность – все это уже было в ней, так что мне оставалось добавить лишь очень немного.

– Как жаль, что противоречить даме непозволительно! – молвил галантный мистер Элтон.

– Я, быть может, придала ей немного решимости, научила размышлять о предметах, о которых она прежде не задумывалась.

– Именно так, и это меня особенно восхищает. Решимости в ней заметно прибавилось! Видна умелая рука!

– Работа была мне в радость, уверяю вас. Никогда еще я не встречала столь милого нрава.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – вздохнул мистер Элтон с таким чувством, в котором нельзя было не заподозрить большой доли любви.

На другой день он вновь обрадовал Эмму, с восторгом поддержав ее внезапное желание написать с компаньонки портрет.

– Вас когда-нибудь рисовали? – спросила она у Харриет. – Случалось ли вам позировать художнику?

Мисс Смит, в ту минуту намеревавшаяся выйти из комнаты, задержалась на пороге и с очаровательным простодушием ответила:

– Ах что вы! Никогда!

Едва девушка скрылась из виду, Эмма воскликнула:

– О, какая бы это была драгоценность, если бы кто-нибудь сделал с нее хороший портрет! Я не пожалела бы никаких денег! Да я и сама почти готова взяться за кисть. Полагаю, вам неизвестно, что года два-три назад я очень увлекалась рисованием портретов. Кое-кто из моих друзей даже позировал мне, и говорили, будто в целом глаз мой довольно верен. Со временем это занятие очень мне приелось, но если бы Харриет дала согласие, то я бы, пожалуй, все же попыталась ее изобразить. До чего же славно было бы иметь ее портрет!

– Так позвольте мне просить вас! – вскричал мистер Элтон. – О, это в самом деле было бы восхитительно! Позвольте же просить вас, мисс Вудхаус, применить ваш талант во благо мисс Смит! Я знаю, каковы ваши работы! Неужто я могу быть так невежествен, чтобы их не знать? Разве не украшают эту комнату прекрасные ландшафты и цветы, запечатленные вашей кистью? Разве не хранит миссис Уэстон в гостиной Рэндалса неподражаемые, запечатленные вами сцены?

«Верно, мой друг, – подумала Эмма, – только портреты – дело совершенно другое. В рисовании вы ничего не смыслите, так не делайте вид, будто восхищаетесь моими работами. Приберегите восторги для личика Харриет».

– Что ж, заручившись такой поддержкой, мистер Элтон, я, вероятно, и впрямь решусь попробовать свои силы. Черты Харриет очень тонки, а значит, добиться сходства будет нелегко, и все же своеобразие в линиях ее глаз и губ я постараюсь передать.

– Именно так! Линии глаз и губ! Уверен в вашем успехе! Умоляю, скорее принимайтесь за дело, а когда закончите работу, это, как вы сами изволили выразиться, будет истинная драгоценность!

– Боюсь, мистер Элтон, Харриет не захочет позировать, потому что совершенно не ценит собственную красоту!

– О да! От меня, конечно, это не укрылось. И все же я надеюсь ее уговорить.

Харриет вскоре возвратилась, и предложение позировать ей почти тотчас же было сделано. Сомнения девушки оказались не столь сильны, чтобы она могла долго противиться настоятельным уговорам мисс Вудхаус и мистера Элтона. Эмма пожелала приступить к работе немедленно и велела принести папку с начатыми ею рисунками (ни одного из них она так и не закончила), чтобы выбрать, какой размер лучше подойдет для Харриет. Миниатюры, поясные портреты и портреты в полный рост, наброски карандашом и пастелью, акварели – все это здесь было, перепробованное Эммой поочередно. Она бралась за все и достигала таких успехов что в рисовании, что в музыке, каких отнюдь не каждый мог бы достичь, приложив столь немного труда. Она играла и пела, принималась едва ли не за все виды художества, однако ей во всем недоставало упорства, и потому ни на одном поприще она не добивалась того умения, которого желала и могла бы добиться. Не обманывая себя саму в том, что касалось ее успехов, Эмма не спешила выводить из заблуждения других и не огорчалась, если молва о ее искусстве оказывалась преувеличенной.

Все рисунки мисс Вудхаус были недурны, причем наибольшими достоинствами обладали, пожалуй, наименее завершенные. В манере чувствовалась одухотворенность. Однако будь она в десять раз совершеннее или, напротив, гораздо менее совершенна, похвалы двух зрителей были бы те же. И мистер Элтон, и мисс Смит пришли в полнейшее восхищение и решили, что иметь портрет приятно всякому, особенно если он выполнен искусной рукой мисс Вудхаус.

– Не могу развлечь вас разнообразием лиц, – сказала Эмма. – До сих пор у меня не было иной натуры, кроме членов нашего семейства. Вот мой батюшка... и снова он. От мысли о том, чтобы позировать, у него расстраивались нервы. Мне приходилось рисовать его украдкой, оттого-то и выходило не очень похоже. А вот миссис Уэстон. Поглядите, и здесь тоже она, и здесь. Любезная моя миссис Уэстон! Она во всем была мне самым добрым другом. Всегда позволяла себя рисовать, когда бы я ни попросила. А это сестрица: и стан получился изящным, таким, как есть, и лицо довольно похоже. Портрет был бы хорош, согласись она посидеть подольше, но она ужасно торопилась, чтобы я нарисовала четверых ее малюток, и потому без конца вертелась. А вот и они: Генри, Джон и Белла на одном листе. Каждый из них мог бы сойти за любого из двух остальных, но отказаться я не могла – уж очень сестрице хотелось иметь их портреты. Трех-четырёхлетних крошек, знаете ли, не заставишь сидеть смирно. А рисовать их трудно еще и потому, что личики очень нежны: уловимы лишь цвет да выражение. Вот набросок, сделанный с четвертого ребенка, который был еще младенцем. Я рисовала его, пока он спал на диване. Бант на чепце удался мне как нельзя лучше. Вышло похоже. Я горжусь портретом маленького Джорджа. Угол дивана получился славно. Ну а вот последняя моя работа. – Эмма извлекла из папки прелестный набросок мужчины в полный рост. – Последняя и лучшая. Мой братец, мистер Джон Найтли. Оставалось доделать совсем немного, когда я в раздражении бросила этот портрет и поклялась более портретов не рисовать. Меня вывели из

терпения, после того как я затратила столько усилий, сумев добиться весьма неплохого сходства... Мы с миссис Уэстон обе находили, что получается похоже. Разве только я польстила мистеру Найтли, ведь в действительности он не так красив, однако это простительный грех... Так вот после всех моих стараний бедная милая Изабелла наградила меня холодной похвалой: «Немного похоже, однако оригинал интереснее». А как непросто было уговорить его позировать! Он согласился с таким видом, будто делал мне величайшее одолжение. Не выдержав всего этого, я решила не доканчивать портрета, чтобы каждому, кто придет с утренним визитом на Брансуик-сквер, не говорили, будто сходства недостаточно. И я, как уже сказала, с тех пор зареклась рисовать портреты, однако ради Харриет, – вернее, ради себя самой – готова нарушить клятву. Тем более что в этом случае мне не приходится опасаться придирчивого суда ничьих мужей или жен.

Мистер Элтон, придя, казалось, в полный восторг, повторил:

– Ничьих мужей или жен! Именно так! Покамест никто здесь не женился!

Отметив про себя то чувство, с каким были сказаны эти слова, Эмма подумала даже, не следует ли тотчас оставить гостей наедине. Но ей не терпелось приняться за дело, меж тем как признание могло и подождать.

Скоро она определила, что изобразит свою компаньонку, как и мистера Джона Найтли, в полный рост акварельными красками. В случае успеха портрету назначено было занять почетное место на каминной полке.

Сеанс начался. Улыбаясь и краснея, Харриет, опасаясь нарушить позу или выражение лица, явила пристальному взгляду художницы прелестное смешение девических чувств. Но работа не спорилась, оттого что поблизости вертелся мистер Элтон, следя за каждым штрихом Эммы. Как ни приятно ей было видеть такое любопытство, она все же просила гостя расположиться чуть поодаль, а затем придумала занять его чтением: «Если б он согласился, вышло бы очень хорошо. Я бы освободилась от стеснительного внимания, да и мисс Смит почувствовала бы себя вольнее».

Мистер Элтон с радостью исполнил просьбу хозяйки. Теперь Харриет слушала, а Эмма рисовала без помех. Приходилось, однако, мириться с тем, что гость часто подходил взглянуть на лист – от влюбленного нельзя было ожидать иного. Малейшее продвижение в работе – и он уже оказывался рядом, замороженный. Сердиться на него Эмма не могла, ибо он выражал восхищение сходством едва ли не раньше, чем карандаш успевал запечатлеть ту или иную черту. Отнюдь не полагаясь на верность глаза мистера Элтона, мисс Вудхаус внутренне хвалила его за любовь к Харриет и желание угодить ей самой.

Сеанс, говоря вообще, удался. Удовлетворенная первоначальным наброском, Эмма была намерена продолжать. Изобразив довольно верно и позу, и черты лица, она предполагала слегка улучшить фигуру небольшим прибавлением в росте и большим – в изяществе. Обещал выйти прелестный рисунок – вещественная похвала красоте одной девицы, искусству другой и дружбе обеих. А то равнодушие, которое выказывал к портрету мистер Элтон, позволяло надеяться, что и другие приятные плоды не заставят себя ждать.

Назавтра Харриет должна была позировать снова. Мистер Элтон, как ему надлежало, с жаром просил разрешения опять прийти и читать.

– О, разумеется! Вы очень нас обяжете.

Второй сеанс сопровождался, подобно первому, обильными похвалами из уст зрителя и завершился к полному удовлетворению художницы. Работа продвигалась быстро и с успехом. Портрет нравился всем, кто его видел, но более всех мистеру Элтону, который восторгался им, отвергая любые критические замечания.

– Мисс Вудхаус сообщила лицу своей приятельницы то, чего ему не доставало, – сказала миссис Уэстон, не зная, что говорит с влюбленным. – Выражение глаз схвачено верно, но ресницы, а также брови у мисс Смит, по правде, не так хороши.

– Вы находите? – отвечал мистер Элтон. – Не могу с вами согласиться. Я никогда прежде не видывал, чтобы все черты до единой были переданы с такою точностью. Нужно, знаете ли, учитывать игру теней.

– Она у вас вышла слишком высокой, – сказал мистер Найтли Эмме, которая и сама о том знала, хотя и не подавала виду.

– Ах нет! – пылко возразил мистер Элтон. – Ничуть не слишком! Примите во внимание, что она сидит, и потому фигура выглядит иначе... то есть не иначе, а, напротив, в точности так, как надо... Пропорции необходимо сохранять. Пропорции и перспективу. Нет-нет! Рост мисс Смит передан очень верно. Удивительно верно!

– Прелестно, – сказал мистер Вудхаус, – прелестно нарисовано! Все твои рисунки чудо как хороши, душенька. Не знаю никого, кто был бы в рисовании искуснее тебя. Лишь одно я не вполне одобряю: мисс Смит сидит, очевидно, в саду, а на плечах у нее одна лишь легонькая шаль. Долго ли бедняжке простудиться!

– Милый *papa*, это ведь лето! Теплый летний день. Взгляните на дерево!

– Бывать на открытом воздухе всегда небезопасно, душенька.

– Вы, сэр, вольны оставаться при своем мнении, – возразил мистер Элтон, – а я, признаться, нахожу, что поместить мисс Смит в сад весьма удачная идея. А как неподражаемо изображена листва! Не будь этого дерева, портрет бы много проиграл. Никакое другое окружение не подчеркнуло бы так выгодно безыскусственности манер мисс Смит, да и вообще... Восхитительно! Смотрю и не могу насмотреться! В жизни не видывал столь полного сходства!

Теперь надлежало поместить картину в раму. Задача оказалась непростой. Раму следовало изготовить немедленно, притом в Лондоне. Для того чтобы сделать заказ, требовался толковый человек, на чей вкус можно было положиться. Обыкновенно подобные поручения исполняла Изабелла, однако уже наступил декабрь, а мистер Вудхаус и слышать не желал о том, чтобы дочь его бродила по улицам, окутанным декабрьским туманом.

Едва узнав об этом затруднении, мистер Элтон тут же его разрешил, заявив с неизменной своей галантностью, что был бы бесконечно счастлив, если бы покупку рамы доверили ему. Он хоть сейчас отправился бы в Лондон, исполненный благодарности за оказанную честь. Хозяйка Хартфилда не замедлила возразить, что мистер Элтон слишком добр, и она даже мысли не допускает о том, чтобы так его затруднить. В ответ последовало желанное и настоятельное повторение просьбы, и дело уладилось в каких-нибудь несколько минут. Мистер Элтон повезет портрет в Лондон, выберет раму и оставит мастерскому необходимые указания. Эмма желала снабдить свое произведение таким футляром, который был бы надежен, но притом не слишком обременил бы услужливого друга, тот же как будто страстно желал, чтобы его обременили сколь возможно сильнее.

– Драгоценная ноша! – вздохнул мистер Элтон, бережно взяв портрет в руки.

«Для влюбленного он даже чуточку чересчур учтив, – подумала Эмма. – Но, вероятно, есть сотни различных способов влюбляться, и это один из них. Мистер Элтон – превосходный молодой человек, очень подходящий для Харриет. И он сам согласился бы со мной. Да, вздохов, томных взглядов и комплиментов, довольно натянутых, действительно больше, чем я обыкновенно соглашаюсь выносить. А ведь всего этого и мне достается немало как подруге той, в кого он влюблен. Но такова его благодарность за возможность видаться с ней».

Глава 7

День отбытия мистера Элтона в Лондон явил Эмме новый повод к тому, чтобы оказать услугу Харриет Смит. Та по обыкновению пришла вскоре после завтрака и, проведя в обществе мисс Вудхаус некоторое время, отправилась домой с намерением возвратиться в Хартфилд к обеду. Однако возвратилась она ранее условленного, взволнованная и разгоряченная торопливой ходьбой: произошло нечто исключительное, о чем ей не терпелось скорее поведать. В каких-нибудь полминуты Эмма была во все посвящена: придя к миссис Годдард, Харриет узнала, что часом ранее о ней спрашивал мистер Мартин. Поскольку дома ее не оказалось, а в котором часу она вернется, никто не знал, фермер ушел, оставив небольшой сверток, переданный одной из его сестер. Кроме двух нотных тетрадок, которые Элизабет брала переписать и теперь возвращала, в пакете было письмо от самого мистера Мартина, в котором содержалось предложение руки и сердца. Ах, разве Харриет могла ожидать такого? Удивленная и растерянная, она совсем не знала, что делать: предложение, да еще изложенное превосходным слогом! Ей, по крайней мере, письмо пришлось по вкусу. Писано так, будто мистер Мартин в самом деле очень влюблен. Но она не знает... И потому поспешила к мисс Вудхаус, чтобы спросить, стоит ли...

Видимое удовольствие, доставленное Харриет признанием фермера, а также овладевшие ею сомнения, внушили хозяйке Хартфилда чувство, весьма похожее на стыд за свою подругу.

– Только поглядите на этого молодого человека! – вскричала Эмма. – Высоко метит! Уж он-то ничего не упустит от избытка скромности!

– Не прочтете ли вы письмо? Ах, прошу вас! Я очень бы хотела, чтобы вы прочли!

Эмма не заставила себя долго упрасивать, а прочитав послание, была весьма удивлена: стиль оказался много лучше, чем она ожидала. Писавший не только не нарушил правил грамматики, но и сумел сотворить сочинение, поистине достойное джентльмена. Изъясняясь просто, однако сильно и искренне, он передал чувства, делавшие ему честь. Письмо, хоть и короткое, свидетельствовало о здравом смысле писавшего, о теплой его привязанности к той, чьей руки просил, о широте его взглядов, о честности намерений и даже о тонкости чувств.

– Ну что же? Как? – спросила Харриет, нетерпеливо глядя на Эмму, в задумчивости застывшую с листком в руке, и, не удержавшись, прибавила: – Хорошо ли письмо? Не слишком ли коротко?

– Да, письмо в самом деле недурно, – произнесла мисс Вудхаус довольно медленно. – Очень недурно. Должно быть, ему помогала одна из сестер. Мне трудно вообразить, чтобы тот, с кем вы беседовали тогда на дороге, мог сам так хорошо изъясняться. Однако слог не женский: мысли выражены прямо и кратко. Женщины пишут пространней. Вне всякого сомнения, мистер Мартин разумный человек и, вероятно, довольно способный. Чувствует он сильно, думает ясно, и, стоит ему взяться за перо, нужные слова находят сами собой. Такое подчас бывает у мужчин. Да, я поняла, какова его натура: энергична и решительна, но притом не лишенная чувствительности, не грубая. Письмо, Харриет, написано лучше, чем я предполагала.

При сих словах Эмма возвратила листок подруге. Та, однако, ожидала услышать больше, а потому промолвила:

– Так как же... как же мне поступить?

– Как вам поступить? В отношении чего? В отношении письма, хотите вы сказать?

– Да.

– В чем же тут сомневаться? Конечно, вы должны ответить, причем поскорее!

– Да, но что же? Дорогая мисс Вудхаус, прошу вас, посоветуйте мне!

– О нет, нет! Пускай письмо будет от первого и до последнего слова ваше. Уверена, вы сумеете выразиться как нужно, так, что ответ ваш будет вполне понятен, – это прежде всего. Прочь все сомнения, избегайте неопределенности. Не нужно быть слишком скромной. Что до приличествующих случаю изъявлений благодарности, а также сожалений о боли, которую причинит мистеру Мартину ваше письмо, то они, я убеждена, не замедлят сами излиться из вашего сердца. Излишне напоминать вам о том, чтобы вы сообщили ответным своим словам оттенок печали.

– Так значит, по-вашему, мне следует ему отказать? – произнесла Харриет потупившись.

– Следует ли вам отказать ему? Никак не пойму вас, моя милая Харриет! Неужто вы в этом сколько-нибудь сомневаетесь? Я думала... Но прошу меня простить: видимо, ошиблась. Очевидно, я заблуждалась на ваш счет, если вы не уверены в том, каким должен быть ответ, и полагала, что вы спрашиваете моего совета лишь касательно того, какие выражения лучше избрать.

Харриет молчала, поэтому, придав своему тону некоторую холодность, Эмма продолжила:

– Вы намереваетесь принять предложение, насколько я поняла?

– Ах нет, вовсе нет... То есть... Я не имела в виду... Что же мне делать? Как вы советуете мне поступить? Прошу вас, дорогая мисс Вудхаус, скажите!

– Я не стану давать никакого совета, Харриет. Вы должны действовать сообразно с собственными чувствами.

– Я и не знала, что так сильно ему полюбилась, – промолвила Харриет, остановив на письме задумчивый взор.

Сперва Эмма хранила упорное молчание, но подумав о том, каково может быть колдовское действие лестных слов Роберта Мартина, сочла наилучшим сказать:

– В подобных делах, Харриет, я придерживаюсь общего правила: если у девицы есть сомнения относительно того, хочет ли она сделаться женой, ей следует отказать. Если слово «да» не слетает с ее уст само собой, то пускай лучше скажет «нет». Замужество не то положение, в какое безопасно вступать без полной уверенности. Почитаю своим долгом напомнить вам об этом как ваш друг, тем более что я вас старше. Однако не думайте, будто я навязываю вам свою волю.

– Нет-нет! Вы, конечно же, слишком добры, чтобы... И все же не дадите ли вы простого совета, как мне поступить? Ой нет, я не то хотела сказать... Вы говорите, что нужна полная решимость... что не следует долго раздумывать... А вопрос пресерьезный. Похоже, и правда будет безопаснее, если я отвечу «нет». Полагаете, так правильнее?

– Ни за какие сокровища, – ответствовала Эмма, милостиво улыбаясь, – я не стала бы ничего вам советовать. В том, что касается собственного вашего счастья, лучший судья – вы сами. Ежели вы предпочитаете мистера Мартина всем остальным, ежели он приятнейший из всех мужчин, в чьем обществе вам доводилось бывать, то отчего же вы сомневаетесь? Вы покраснели, Харриет. Не пришел ли вам на память кто-нибудь другой, к кому вы скорее отнесли бы эти мои слова? Только не обманывайте себя, не позволяйте благодарности и состраданию властвовать над вами. О ком вы сейчас вспомнили?

Ответом явились симптомы довольно-таки благоприятные: ничего не сказав, мисс Смит в смущении отвернулась и задумчиво отошла к камину. Пальцы ее механически вертели письмо. Эмма ждала результата ее размышлений с нетерпением, но без особых надежд. Наконец Харриет, вполне, впрочем, уверенно, промолвила:

– Мисс Вудхаус, раз уж вы не хотите сказать мне ваше мнение, я должна сделать по-своему. Сейчас я убеждена... почти решилась... отказать мистеру Мартину. Как вы находите: права ли я?

– Совершенно, совершенно правы, дорогая моя, милая Харриет! Вы поступаете именно так, как должны. Покуда вы размышляли, я старалась не выказывать своих чувств, но теперь, когда вы вполне уже решились, не могу вас не одобрить. Дорогая, до чего же я рада! Прекращение знакомства с вами, которое явилось бы следствием вашего союза с мистером Мартином, очень бы меня опечалило. Пока вы хоть немного сомневались, я молчала, не желая на вас влиять, но как жаль мне было бы потерять друга! Ведь не могу же я делать визиты миссис Роберт Мартин, фермерше! Теперь я спокойна: вы остаетесь со мною.

Харриет, доселе не подозревавшая о том, какая опасность ей грозила, поражена была этой мыслью и в ужасе вскричала:

– Вы не смогли бы меня навещать?! О да, конечно, не смогли бы! Прежде я об этом не подумала, но как это было бы ужасно! Слава богу, я решила отказать мистеру Мартину! Дорогая мисс Вудхаус, ни за какие блага я не пожертвую удовольствием и честью быть вашим другом!

– Да, разлука с вами причинила бы мне боль, однако пришлось бы с нею смириться. Ведь вы исторгли бы себя из хорошего общества, а значит, я принуждена была бы расстаться с вами.

– О боже! Как бы я это вынесла! Я бы, наверное, умерла, если бы в Хартфилде мне отказали от дома!

– Милое нежное создание! Мне и самой страшно представить вас навечно запертой на ферме Эбби-Милл, в кругу грубых необразованных людей! Право, удивительно, что молодой человек смел предложить вам такое! Верно, он слишком высокого о себе мнения.

– Вообще-то я не нахожу в нем самодовольства, – возразила Харриет, чья совесть не могла не восстать против столь резкого суждения о мистере Мартине. – Во всяком случае, он очень славный человек, и я всегда буду ему признательна, всегда буду к нему испытывать... Ах нет, совсем не то чтобы... Видите ли, если он в меня влюблен, это же не значит, что и я должна... И конечно же (этого нельзя отрицать), с тех пор как я стала бывать у вас, я повидала людей. Ежели сравнивать его с ними лицом и манерами... Ах, и сравнения быть не может! Особенно с одним джентльменом, который так хорош собой и так обходителен... И все же я думаю, что мистер Мартин очень приятный молодой человек. Я очень его ценю. И если я приглянулась ему и он написал для меня такое письмо... Но покинуть вас – на это я никогда бы не согласилась.

– Спасибо, спасибо вам, любезный мой дружок! Мы с вами не разлучимся. Женщина не обязана выходить за всякого, кто сделает ей предложение, только потому, что он в нее влюблен и умеет написать сносное письмо.

– Ах нет, не обязана, к тому же письмо-то слишком коротко.

Отметив про себя, что в этом вопросе подопечной недостает вкуса, Эмма предпочла согласиться:

– Вы правы. А даже если он и мог писать очень хорошо, это было бы ничто в сравнении с его неуклюжестью, которая оскорбляла бы вас ежечасно.

– О да, истинно так! Кому какое дело до писем? Куда важнее счастливо проводить время в приятном обществе. Я совершенно решилась отказать мистеру Мартину. Только как мне это сделать? Какие подобрать слова?

Эмма заверила Харриет, что составить ответ будет вовсе не трудно, и посоветовала приняться за дело безотлагательно. Та согласилась с надеждой на помощь мисс Вудхаус. Продолжая твердить, будто в помощи с ее стороны нет никакой необходимости, Эмма все же оказала ей весьма немалое содействие, сочинив письмо от начала и до конца. Перечитав послание мистера Мартина, Харриет до того смягчилась, что Эмме пришлось пустить в ход несколько решительных восклицаний, чтобы вернуть ей необходимую силу духа. Мисс Смит до чрезвычайности беспокоила мысль о том несчастье, которое она причинит мистеру Мартину, а также о том, как будут думать и говорить о ней его матушка и сестрицы. Видя, сколь сильна в Харриет

боязнь показаться неблагодарной, Эмма подумала, что мистер Мартин, оказись сейчас здесь, верно, в конце концов получил бы согласие.

Так или иначе, ответ написали, конверт запечатали и отправили. Дело было сделано, а Харриет спасена. Весь вечер она сидела в печали. Понимая ее сожаления, вызванные добротой души, Эмма старалась облегчить их ласковыми речами, в которых порой мелькало имя мистера Элтона.

– На Эбби-Милл меня уж никогда более не пригласят, – горестно промолвила мисс Смит.

– Если б вас даже и пригласили, мой друг, я бы не вынесла разлуки с вами. Вы слишком нужны нам в Хартфилде, чтоб отпускать вас на ферму.

– А уж я, наверное, и не захотела бы туда поехать, ведь мне нигде не бывает так хорошо, как здесь.

Через некоторое время Эмма услышала:

– Полагаю, миссис Годдард очень удивится, ежели узнает, что произошло. Да и мисс Нэш, верно, тоже... Мисс Нэш находит, будто ее сестра весьма удачно вышла замуж, хотя жених был простой торговец мануфактурой.

– Школьной учительнице, Харриет, и не пристало проявлять больше гордости или утонченности. Не сомневаюсь, что мисс Нэш позавидовала бы такому предложению, какое вы получили. Даже такая партия была бы для нее успехом. О том же, насколько лучшая будущность, вероятно, ожидает вас, она едва ли может подозревать. В Хайбери пока не начали судачить о том внимании, которое оказывает вам некий джентльмен, однако от нас с вами не укрылись ни его взгляды, ни особенная любезность.

Харриет, зардевшись, с улыбкой пробормотала нечто вроде того, что ей и самой непонятно, чем она порой так нравится людям. Напоминание о мистере Элтоне приободрило ее, однако вскоре она снова принялась жалеть отвергнутого мистера Мартина.

– Сейчас он, должно быть, уже получил мое письмо, – произнесла мягко девушка. – Знать бы, что они все теперь делают, сказал ли он сестрицам... Ежели он огорчен, то и они тоже. Но я надеюсь, что не очень его опечалила.

– Подумаем лучше о тех наших отсутствующих друзьях, кто занят более приятным делом! – воскликнула Эмма. – Мистер Элтон в эту самую минуту, возможно, показывает ваш портрет маменьке и сестрам, говоря при этом, как красив оригинал. Когда его попросят раз пять-шесть назвать имя избранницы, он согласится, и будет не чье-то иное, а ваше.

– Мой портрет? Но разве мистер Элтон не оставил картину на Бонд-Стрит?

– Если так, то я совсем его не знаю! Уж поверьте мне, дорогая моя скромница Харриет, портрет окажется на Бонд-стрит лишь тогда, когда мистеру Элтону придет пора отправляться в обратный путь. Ну а весь сегодняшний вечер ваш образ будет ему и другом, и утешением, и отрадой. Имея портрет при себе, он раскроет свои замыслы родным и расскажет им о вас, а они, глядя на вашу красоту, преисполнятся приятнейших из всех человеческих чувств – любопытства и теплого предрасположения. Как живо и весело разыграются их нетерпеливые умы!

Харриет опять улыбнулась, и с этого момента ее улыбки раз от раза делались менее печальными.

Глава 8

Ближайшую ночь Харриет провела в Хартфилде. Поскольку в последние несколько недель она ночевала в доме Вудхаусов чаще, нежели у себя, в ее распоряжение отдали отдельную спальню. Эмма полагала, что для подруги будет во всех отношениях лучше и безопасней, если она пока будет проводить в поместье как можно больше времени. Наутро ей пришлось пойти на час-два к миссис Годдард, однако было решено, что затем она прогостит в Хартфилде несколько дней кряду.

В ее отсутствие Вудхаусов навестил мистер Найтли. Посидев немного в гостиной, он, горячо поддерживаемый Эммой, убедил ее папеньку не откладывать заранее задуманную прогулку, что, однако, противоречило правилам старика как учтивого и гостеприимного хозяина. Всякий заметил бы доходившее до смешного несходство между пространными извинениями церемонного мистера Вудхауса и короткими решительными ответами прямодушного мистера Найтли.

– Смею надеяться, вы меня простите и не сочтете мое поведение слишком уж бестактным, если я, воспользовавшись советом Эммы, выйду погулять с четверть часика. Полагаю, мне лучше сделать мой скромный моцион именно теперь, пока солнце светит. Ежели оно скроется, я лишен буду такой возможности. Вы уж простите меня, мистер Найтли, что обхожусь с вами этак попросту. Мы, люди старые и больные, порой позволяем себе быть неучтивыми.

– Мой дорогой, вы так церемонитесь со мною, будто я вам чужой.

– Оставляю вам дочь, которая преотлично меня заменит. Она счастлива будет развлечь вас. А засим покорнейше прошу меня извинить и отправляюсь на свой зимний моцион – разика три пройдуся туда-сюда по аллейке.

– Это правильно, сэр.

– Я просил бы вас, мистер Найтли, составить мне компанию, однако хожу очень медленно, и вам быстро наскучит меня сопровождать. К тому же впереди у вас другая прогулка, и весьма длинная – в аббатство Донуэлл.

– Благодарю вас, сэр, благодарю. Я и вправду собираюсь уходить – теперь же. Чем ранее вы отправитесь, тем лучше. Позвольте я подам вам пальто и открою дверь в сад.

Мистер Вудхаус наконец вышел, однако мистер Найтли, вместо того чтобы тотчас тоже уйти, снова сел, явно расположенный к продолжению беседы, и заговорил с Эммой о Харриет, причем благосклоннее, чем когда-либо прежде.

– Я не ценю красоту мисс Смит так же высоко, как вы, но она премилое создание, и нрав у ней добрый, насколько могу судить. Достоинства ее и недостатки зависят во многом от того, кто с нею рядом. Попади она в хорошие руки, из нее выйдет достойная женщина.

– Я рада, что вы так говорите. Ну а добрые руки, надеюсь, не заставят себя долго ждать.

– Полноте, Эмма, я знаю, как вам не терпится получить комплимент, а потому скажу, что вы в самом деле усовершенствовали вашу подругу. Теперь она более не хихикает, как школьница, и это, безусловно, ваша заслуга.

– Спасибо, я бы очень огорчилась, если б мне не удалось принести ей некоторую пользу. Однако вы не часто балуете меня похвалой.

– Вы сказали, что опять ждете мисс Смит сегодня?

– С минуты на минуту. Она уже отсутствует дольше, чем предполагала.

– Видно, что-то ее задержало. Быть может, к ней пришел посетитель.

– Ох уж эти хайберийские сплетницы! Несносные создания!

– Полагаю, не все окрестные жители так же несносны для Харриет, как для вас.

Зная, что спорить с этим означало бы грешить против истины, Эмма не ответила, и мистер Найтли, улыбаясь, прибавил:

– Не возьмусь с точностью назвать место и время, однако у меня есть все основания вас уверить: ваша маленькая компаньонка вскорости услышит нечто весьма для себя благоприятное.

– Неужели? И что же это будет за новость? Какого рода?

– самого серьезного, – ответил мистер Найтли, не прекращая улыбаться. – Уж поверьте.

– самого серьезного? В таком случае мне приходит на ум только одно: кто-то влюблен в нее и поверил вам свою тайну, – сказала Эмма, питая довольно сильную надежду на то, что джентльмен, намекнувший мистеру Найтли о своих чувствах к Харриет, не кто иной, как мистер Элтон.

К ее свойственнику многие обращались за советом, и тот, кого она прочила в женихи своей подруге, тоже питал к нему почтение.

– Скоро (говорю вам это с полным основанием) Харриет Смит получит предложение руки и сердца, причем из уст достойнейшего человека – Роберта Мартина. Дело, похоже, решилось, пока она гостила на Эбби-Милл. Он без памяти в нее влюбился и намерен жениться.

– Это очень любезно с его стороны, – молвила Эмма, – но уверен ли он, что она пожелает за него выйти?

– Ах да, я выразился неточно. Он намерен просить ее руки. Теперь вы довольны? Позавчера вечером он приехал ко мне в аббатство за советом. Зная мое доброе расположение к нему и к его родным, он, полагаю, считает меня одним из лучших своих друзей и потому пришел спросить, не будет ли это, на мой взгляд, неразумно, если он женится так рано. И не слишком ли она молода, чтобы выйти замуж. Да и вообще, одобряю ли я сделанный им выбор. Его отчасти смущает то, что Харриет (особенно с тех пор, как вы приблизили ее к себе) приобрела репутацию девицы из высшего круга. Слушать Роберта Мартина было для меня истинным удовольствием. Я не видывал еще человека более разумного: никогда не скажет лишнего, всегда выражается открыто и прямо, всегда прежде взвесит свою мысль. Он все мне поведал: свои обстоятельства и планы. Рассказал, как они все будут жить, если он женится. Роберт Мартин – славный молодой человек, отличный сын и брат. Я без колебаний одобрил его намерение, ведь он убедил меня в том, что может себе позволить обзавестись семейством. А ежели так, то к чему медлить? О даме его сердца я отозвался с похвалой, и он ушел от меня вполне счастливый. Он, смею сказать, и прежде ценил мое мнение, а теперь, покидая мой дом, и вовсе уверился, что лучшего друга и советчика ему не найти. То было позавчерашним вечером. Терять время даром он вряд ли станет, а потому, если он не объяснился с девицей вчера, то, уж наверное, объяснится сегодня. Отнюдь не исключено, что у миссис Годдард вашу Харриет задержал визитер, которого она вовсе не считает несносным созданием.

– Но позвольте! – воскликнула Эмма, украдкой улыбаясь почти все время, пока гость говорил. – Откуда вам знать, что мистер Мартин еще не открылся мисс Смит?

– Конечно, утверждать я не могу, но могу предположить, – несколько удивленно ответил мистер Найтли. – Разве весь вчерашний день Харриет не провела у вас?

– Что ж, тогда я скажу новость в обмен на вашу. Роберт Мартин вчера сделал предложение Харриет – письменно – и получил отказ.

Последние слова Эмме пришлось повторить, прежде чем их смысл дошел до мистера Найтли. Покраснев от неприятного удивления, он поднялся и негодуя произнес:

– В таком случае она еще глупее, чем я думал! Чего же эта девчонка хочет?

– О, разумеется, мужчине всегда трудно понять, как женщина может ответить отказом на предложение вступить в брак, – вскричала Эмма. – Мужчина вечно воображает, будто любая с радостью согласится стать женою, кто бы ее о том ни попросил!

– Чепуха! Ничего подобного мужчина не воображает! Но что все это значит? Харриет Смит отказала Роберту Мартину?! Если так, то это безумие. Надеюсь, вы ошибаетесь.

– Я читала ее ответ. Он вполне ясен.

– Читали? Да вы наверняка его и писали! Это ваших рук дело, Эмма. Это вы убедили ее отказать Роберту Мартину!

– Даже если бы так (чего я, однако, отнюдь не намерена признавать), моя совесть осталась бы чиста. Мистер Мартин – очень достойный молодой человек, однако Харриет он не ровня, и мне даже удивительно, что у него достало дерзости сделать ей предложение. Как следует из вашего рассказа, некоторые сомнения все же посетили его. Ему не следовало через них переступать.

– Не ровня Харриет? – с жаром воскликнул мистер Найтли, а затем более спокойно, но не менее сурово прибавил: – Да, Роберт Мартин в самом деле ей не ровня. Он много выше ее как по уму, так и по положению. Эмма, увлечение этой девушкой ослепляет вас. Что дает ей право ставить себя выше его? Рождение? Способности? Образование? Эта дочь неизвестных родителей не имеет, вероятно, никаких надежных средств к существованию и, уж конечно, никаких родственных связей с почтенными семействами. Она живет на правах квартирантки в доме школьной начальницы – вот все, что о ней известно. Ни здравомыслием, ни образованностью она не блещет. Ничему полезному ее не научили, а для того чтобы учиться без наставников, она слишком молода и слишком проста. Эта девочка совсем еще не видела жизни, но, даже приобретя опыт, она едва ли сумеет извлечь из него полезные уроки – уж очень скромна умишко. Да, она миловидна и покладиста, но не более. Одобрив замысел Роберта Мартина, я сомневался только в одном: не слишком ли молодой человек для нее хорош и не пострадает ли доброе имя его семейства от столь сомнительного родства. Он мог составить гораздо лучшую партию и по финансам, и тем паче по уму. Спутницы менее разумной и менее полезной, пожалуй, не сыщешь, однако мог ли я уязвить влюбленного таким суждением о предмете его чувств? Мне оставалось лишь надеяться, что она хотя бы ничем ему не повредит и что принадлежит к тому сорту женщин, из которых при надлежащем руководстве со временем выходят хорошие жены. Ежели кому-то и был бы выгоден этот союз, то только ей, и я нисколько не сомневался (как не сомневаюсь и теперь), что все подивились бы ее неслыханному везению. Даже вас я думал обрадовать таким известием. Я полагал, вам не будет жаль, если она покинет Хайбери, чтобы столь славно устроить свою жизнь. Помню, я сказал себе: «Эмма наверняка одобрит этот брак, несмотря на пристрастие к Харриет».

– Вы, видно, совсем не знаете меня, раз могли такое себе сказать. Я, право, удивляюсь вам. Подумать, будто фермер – при всей рассудительности и прочих достоинствах мистер Мартин им остается – хорошая партия для моей ближайшей подруги? И я должна радоваться, что она покинет Хайбери ради союза с человеком, которого никогда не смогу принять в свой круг? Просто диву даюсь, как можно было приписать мне такие мысли и такие чувства. Уверяю вас, подлинное мое мнение совершенно отлично от вашего. Ваши суждения я нахожу ошибочными. Вы несправедливы к Харриет. По моему мнению, как и по мнению других, она вправе гораздо больше ждать от будущего супруга. Мистер Мартин, возможно, богаче ее, однако по своему положению в обществе, безусловно, ниже. Она вращается в несравнимо более высокой сфере, а выйдя за него замуж, уронила бы себя.

– Незаконнорожденная невежественная девица уронила бы себя, выйдя замуж за фермера-джентльмена, человека умного и уважаемого?

– Что до обстоятельств ее рождения, то, вероятно, она действительно безродная, но лишь по бумагам, а не в глазах здравого смысла. Она не в ответе за чужие грехи, и было бы несправедливо, если бы те, в чьем окружении она выросла, смотрели на нее свысока. Едва ли следует сомневаться в том, что отец ее благороден и весьма небеден. Она получает вполне щедрое содержание, для ее удобства и пользы никогда ничего не жалели. Харриет Смит – дочь джентльмена, в этом я убеждена, а посему стоит выше мистера Роберта Мартина.

– Кем бы ни были родители и воспитатели Харриет, – возразил мистер Найтли, – они, очевидно, не готовили ее для общества, которое вы бы назвали хорошим. Она получила весьма

посредственное образование, после чего ее оставили при школе, чтобы в дальнейшем жила как сумеет – то есть шла по стопам миссис Годдард. Благодетели девицы, по-видимому, сочли, что тот круг знакомств, который может иметь квартирантка школьной начальницы, вполне ей подходит. И он вправду ей подходил. Она сама ничего лучшего не желала. Пока вы не сделали ее своей подругой, она не чуждалась себе подобных и не стремилась над ними вознестись. Недели, проведенные у Мартинов, были для Харриет счастливейшей порой. Тогда она еще не воображала, будто они ей не ровня. Если она вообразила это теперь, то лишь благодаря вам. Вы сослужили Харриет Смит дурную службу, Эмма. Роберт Мартин не решился бы объяснить ей в любви, если б не замечал верных знаков ее расположения. Я хорошо его знаю. Он чувствует слишком искренно и глубоко, чтобы сделать девушке предложение, руководствуясь одной лишь слепой эгоистической страстью. Притом я не встречал мужчины, который был бы более чужд самонадеянности. Его обнадежили – уж поверьте.

Прямой ответ на последнее утверждение не принес бы Эмме преимущества в споре, а потому она предпочла вновь направить разговор в более удобное для нее русло.

– Мистеру Мартину вы большой друг, зато о Харриет, как я уже сказала, судите слишком строго. Ее шансы удачно выйти замуж совсем не дурны. Она не то чтобы умна, но умнее, чем вы о ней думаете, и не заслуживает таких пренебрежительных речей. Однако я уступлю вам, позволив себе допустить, будто у нее и впрямь только два достоинства: миловидность и покладистый нрав. Их одних было бы довольно, чтобы назвать девицу завидной невестой, если они выражены в ней так сильно. Девяносто девять человек из ста назовут Харриет Смит красавицей. А поскольку мужчины пока не научились относиться к красоте философически и влюбляются не в просвещенные умы, но в хорошенькие личики, такая девушка не может страдать от недостатка поклонников. Непременным следствием ее пригожести явится возможность выбирать из многих. Что до кротости, то и это отнюдь не малое достоинство. Кроткая женщина мила, имеет приятные манеры, не думает слишком высоко о себе и не требует очень уж многого от других. Я, верно, совсем не знаю вас, мужчин, если вы не полагаете, будто такая красота вкупе с таким нравом есть наивысшие женские добродетели.

– Вы, Эмма, так грешите против собственного здравого смысла, что я, чего доброго, соглашусь с последним вашим утверждением. Уж лучше вовсе не иметь ума, чем столь дурно им распоряжаться.

– Верно-верно! – усмехнулась Эмма. – Я знаю: именно так вы все о нас и думаете. Девушка, подобная Харриет, – отрада для всякого мужчины. Именно такая вмиг околдует его чувства, именно такую ищет его разум. Но ей не придется сетовать на скудость выбора! Она и вам бы непременно приглянулась, соберись вы жениться. Так стоит ли удивляться, если в свои семнадцать лет, когда едва вступила в жизнь и едва успела показать себя в свете, такая девушка не приняла первого же сделанного ей предложения? Ну уж нет, пускай сперва освоится и поглядит вокруг!

– Ваша дружба всегда казалась мне превеликой глупостью, хоть до сих пор я и молчал об этом, – жестко заметил мистер Найтли. – Теперь же я вижу: близость с вами для Харриет и вовсе губительна. Вы забьете ей голову такими мыслями о ее неземной красоте и о том, какую партию она может составить, что вскоре решительно все вокруг окажутся для нее недостаточно хороши. При слабом уме тщеславие способно повлечь за собой любые беды. Нет ничего проще, нежели внушить юной девице непомерные ожидания. Мисс Харриет Смит, при всей своей миловидности, рискует обмануться: едва ли ей предстоит так уж часто выслушивать предложения руки и сердца. Разумным мужчинам, что бы вы ни говорили, не нужны глупышки. Родовитые не пожелают связывать себя с девушкой неизвестного происхождения. Если же вдруг раскроется, чья она дочь, это, вероятней всего, повлечет за собой большие неудобства и даже позор, чего не может не остерегаться ни один здравомыслящий человек. Став женою Роберта Мартина, Харриет защитила бы себя от кривотолков, снискала бы всеобщее уважение

и зажила счастливо. Но вы внушаете ей, будто она может составить блестящую партию, и учите ее отказывать всем, кто не знатен и не богат как Крез. С такими притязаниями она или навечно останется квартиранткой миссис Годдард, или, отчаявшись, почтет за счастье заполучить сына старого учителя чистописания (второе вероятней, ибо Харриет Смит из тех девиц, которые непременно выходят замуж хоть за кого-нибудь).

– Наши взгляды на этот счет столь различны, мистер Найтли, что от продолжения спора толку не будет: мы лишь еще больше друг друга разозлим. Скажу одно: я не позволю Харриет стать женой Роберта Мартина. Она отказала ему, причем решительно. Теперь он едва ли дерзнет просить ее руки повторно, и ей придется с этим смириться, даже если она о чем-то и пожалеет. Что до ответа, который она дала мистеру Мартину, то не стану утверждать, будто несколько на нее не повлияла, но уверяю вас: мне не пришлось слишком утруждаться. Внешность и манеры Роберта Мартина так красноречиво свидетельствуют против него, что Харриет не может быть к нему расположена. Пожалуй, она и вправду терпела его прежде, когда еще не видела никого получше. Он брат ее подруг, он старался ей угодить, пока она гостила на Эбби-Милл, и потому она, за неимением предметов для сравнения, не находила его очень уж неприятным. Но сейчас все переменялось. Она видела джентльменов, и только истинный по образованию и манерам джентльмен может удостоиться ее расположения.

– Чепуха! Вопиющая чушь! От роду не слыхивал ничего глупее! – наконец не выдержал мистер Найтли. – Манеры Роберта Мартина рекомендуют его наилучшим образом, ибо свидетельствуют об уме, честности и доброте, а уж подлинного благородства в нем куда более, нежели Харриет Смит в состоянии оценить.

Эмма не ответила и предпочла сделать вид, будто несколько не огорчена и не обеспокоена. В действительности же ей стало не по себе, и теперь она с нетерпением ждала, когда гость наконец уйдет. По-прежнему считая себя непревзойденным судьей в вопросах женских прав и притязаний, она не раскаивалась в том, что совершила, и все же ей было неприятно, что мистер Найтли, чье мнение она привыкла уважать, столь резко ее осуждает. Видеть его, разозленного, прямо перед собой казалось невыносимым.

Тягостного молчания, продлившегося несколько минут, почти ничто не прерывало. Лишь раз Эмма заговорила о погоде, но мистер Найтли ей не ответил, поскольку размышлял, после чего поделился результатом размышлений:

– Роберт Мартин не многого лишился. Вероятно, пока он не понимает, сколь ничтожна его потеря, однако, надеюсь, вскорости поймет. Вы вправе оставаться при своем мнении о Харриет Смит и прочить ей в мужья кого угодно (у вас, несомненно, есть план такого рода, ведь пристрастия к устройению чужих браков вы не скрываете), но я должен вас как друг предостеречь: если джентльмен, на которого вы возлагаете надежды, – мистер Элтон, то все хлопоты ваши окажутся, я думаю, напрасными.

Эмма рассмеялась и отрицательно покачала головой, а мистер Найтли продолжил:

– Помяните мое слово: Элтон не оправдает ваших ожиданий. Человек он недурной, занимает почетную должность хайберийского викария, однако не из тех, кто мог бы решиться на столь неразумный брак. Хороший доход он ценит ничуть не меньше любого другого трезвомыслящего человека. Как бы чувствительны ни были его речи, в поступках он будет руководствоваться здравым смыслом. Себя наш викарий ценит не меньше, чем вы – Харриет. Элтон прекрасно осознает, что весьма хорош собой и умеет быть душой любого общества. Из нескольких не вполне осторожных фраз, оброненных им в мужской компании, я заключил, что он намерен жениться выгодно. Я слышал, как он с большим воодушевлением рассказывал о подругах своих сестер – неких молодых леди из весьма обеспеченного семейства. За каждой дают по двадцать тысяч фунтов.

– Очень вам признательна, – опять рассмеялась Эмма. – Если бы я и правда намеревалась женить мистера Элтона на Харриет, ваше предостережение пришлось бы весьма кстати, но

покуда в мои намерения входит оставить ее при себе. Сватовством я более не занимаюсь. Едва ли мне удастся вновь достичь такого успеха, какой случился с женитьбой мистера Уэстона. Лучше мне удалиться от этого дела в расцвете славы.

– Что ж, доброго вам дня, – произнес мистер Найтли и, резко поднявшись, направился к дверям.

Беседа с Эммой очень его раздосадовала, и тяжело было сознавать, что, одоблив замысел Роберта Мартина, он сам невольно подтолкнул молодого человека на путь разочарования. И еще более он сердился на Эмму, чья роль в произошедшем представлялась ему отнюдь не второстепенной.

Сама хозяйка Хартфилда также пребывала в дурном расположении духа, однако причина ее неудовольствия не казалась столь определенной. Не обладая той всегдашней уверенностью в своей правоте и в неправоте противника, какой обладал мистер Найтли, она осталась не вполне собой довольна. Причиненное ей огорчение было, пожалуй, не так велико, чтобы скорое возвращение Харриет не могло его излечить, но та все не возвращалась, и Эмма с тревогой вопрошала себя, уж не явился ли молодой человек и в самом деле к миссис Годдард, чтобы поговорить с девицей с глазу на глаз. Вероятность столь нежелательного завершения дела не на шутку обеспокоила хозяйку Хартфилда, однако терзаться долго ей не пришлось: Харриет возвратилась веселая и о мистере Мартине не поминала. Эмма тотчас успокоилась, уверившись в том, что, каково бы ни было мнение мистера Найтли, она не совершила ничего такого, чему дружба их и ее женские чувства не служили бы оправданием.

Поначалу немного напуганная предостережением, которое касалось викария, Эмма затем рассудила, что мистер Найтли едва ли наблюдал за ним так пристально, как она, и (уж себе-то она могла сказать это без ложной скромности) едва ли вообще имеет в подобных делах столь наметанный глаз. Слова, внушившие ей тревогу, были сказаны скорее всего сгоряча и выражали не действительное положение вещей, а лишь то, чего мистер Найтли отчаянно желал. В его присутствии мистер Элтон и вправду мог изъясняться свободнее, нежели в хартфилдской гостиной, однако если викария и занимали денежные соображения (как человек благоразумный он не должен был ими совершенно пренебрегать), мистер Найтли, конечно же, не учел силы его любви, способной победить меркантильность. Кто не замечает страсти, тот не предвидит и ее плодов. Она же, Эмма, твердо уверилась в пылкости чувств мистера Элтона, а потому не сомневалась, что он отбросит все сомнения, навязанные ему той расчетливостью, какая свойственна всякому рассудительному человеку. Чтобы мистер Элтон мог быть расчетлив сверх этой меры, она и в мыслях не допускала.

Веселость мисс Смит передалась ее покровительнице, которая теперь видела: девушка возвратилась в Хартфилд не для того, чтобы думать о мистере Мартине, а чтобы говорить о мистере Элтоне. Одна из наставниц сообщила ей новость, которую она тут же с восторгом передала Эмме: мистер Перри приходил в школу осмотреть больную девочку и сказал мисс Нэш, что по пути из Клейтон-парка повстречал мистера Элтона. Тот направлялся в Лондон и намеревался пробыть там до завтрашнего дня. Мистер Перри немало удивился, ведь вечером в клубе должны были играть в вист, чего прежде мистер Элтон никогда не пропускал. Он попенял ему, что в его лице компания лишится лучшего игрока, и попросил отсрочить поездку хотя бы на день, но уговоры оказались напрасны. Мистер Элтон весьма многозначительно ответил, что едет по делу, которое ни за какие сокровища не согласится отложить. Он говорил о каком-то лестном для него поручении и о какой-то чрезвычайно ценной ноше. Мистер Перри не вполне его понял, но догадался, что тут, верно, не обошлось без дамы, и сейчас же высказал свое предположение мистеру Элтону. Тот лишь смущенно улыбнулся и ускакал прочь, воодушевленный.

Пересказав этот случай, мисс Нэш еще долго говорила с Харриет о викарии и, помимо прочего, сказала, пристально на нее поглядев: «Я, конечно же, не могу знать, по какому делу

мистер Элтон отправился в Лондон, но в одном уверена: та, кого он предпочел, – счастливейшая женщина на свете, ибо никто, вне всякого сомнения, не сравнится с ним ни красотой, ни приятностью манер».

Глава 9

Если сама Эмма не могла быть с собою в ссоре, то мистер Найтли оказался вполне способен на нее сердиться. По причине крайнего недовольства ею он дольше обыкновенного не являлся в Хартфилд. Когда же они наконец встретились, его сумрачные взгляды свидетельствовали о том, что она до сих пор не прощена. Ей было жаль, но раскаяния она не испытывала, а, напротив, лишь укрепилась в первоначальных своих мыслях и стала лелеять их пуще прежнего, воодушевленная событиями тех нескольких дней, которые последовали за размолвкой.

Портрет, вставленный в изящную раму, был благополучно передан ей мистером Элтоном вскоре по возвращении из Лондона и помещен на каминную полку в гостиной. Приподнявшись со стула, чтобы взглянуть на картину, означенный джентльмен, как ему и подобало, выразил свое восхищение несколькими вздохами и полуфразами. Чувства Харриет к нему с каждым днем делались видимо сильнее, обещая перерасти в такую крепкую привязанность, на какую только способно столь юное и нежное существо. Что до мистера Мартина, то он, к удовольствию Эммы, упоминался лишь как полная противоположность мистеру Элтону при их сравнении в неоспоримую пользу последнего.

В своем стремлении совершенствоваться ум подружки чтением и учеными беседами мисс Вудхаус продвинулась не далее первых глав нескольких романов, которые она откладывала в сторону с намерением продолжить завтра. Болтать с Харриет о том о сем оказалось много проще, чем штудировать с ней книги, а рисовать себе картины ее блестящего будущего – много приятнее, чем сообщать ей факты, доказанные наукой. Единственным литературным упражнением, занимавшим мисс Смит в эту пору, единственным умственным сокровищем, запасаемым ею для утешения на закате жизни, были всевозможные загадки, которые она, от кого ни услышит, непременно записывала. Для этой цели Эмма подарила ей тонкую тетрадку, сшитую из атласной бумаги и изукрашенную причудливыми знаками.

В наш просвещенный век собирательство подобных коллекций занимает многих. Мисс Нэш, старшая наставница в школе миссис Годдард, также выписывала загадки и собрала уже не меньше трех сотен. Заимствовав от нее эту идею, Харриет предполагала набрать гораздо больше, если мисс Вудхаус ей поможет. Изобретательность, память и вкус Эммы вкупе с премиленьким почерком Харриет в самом деле сулили, что коллекция выйдет отменная – как в отношении каллиграфии, так и в отношении содержания.

Затая, овладевшая умами девиц, почти в той же мере заинтересовала и мистера Вудхауса. Очень часто он пытался вспомнить что-нибудь такое, что следовало бы записать. До чего же много занятых загадок было в пору его молодости! Неужто теперь он все позабыл? Ничего-ничего, немного погодя они придут на память, однако пока приходило лишь неизменное: «Кити, хладная красотка, пламя разожгла...»⁴

Его добрый друг Перри, которого он призвал на помощь, тоже не смог ничего припомнить, но пообещал держать ухо востро. Поскольку по роду своих занятий тот бывал во многих домах, мистер Вудхаус надеялся на скорое пополнение коллекции.

Эмма же, отнюдь не желая призывать к содействию умы всего Хайбери, обратилась к одному лишь мистеру Элтону с просьбой дополнить собрание любыми загадками, головоломками и шарадами, какие ему вспомнятся, ежели они в самом деле хороши. К ее радости, викарий принялся за дело с большим усердием и, напрягая память, к тому же строго следил, чтобы с уст его не срывалось ничего такого, что не восхваляло бы прекрасный пол. Благодаря мистеру

⁴ Стихотворная загадка, сочиненная Дэвидом Гарриком (1717–1779) – знаменитым актером, драматургом и театральным антрепренером. В ней говорится о некоем юноше, который, подобно купидону, был способен раздуть или погасить пламя, зажженное женщиной. Согласно опубликованной версии, это трубочист, однако имеются и другие, фривольные, варианты отгадки.

Элтому коллекция пополнилась двумя-тремя исключительно галантными загадками. Когда же он с восторгом припомнил и с большим чувством продекламировал одно расхожее стихотворение, Эмме даже жаль было признаться, что оно уже есть в их тетради:

Соедините утвердительный ответ
И слог от той, что вас произвела на свет.
Вот красоты и благонравья образец,
Лекарство сладкое для мужеских сердец!

– Отчего бы вам, мистер Элтон, не сочинить для нас загадку самому? – предложила Эмма. – Тогда она, уж наверное, будет нова, а придумать ее не составит для вас большого труда.

Ах нет, он никогда, вернее – почти никогда, не писал ничего в таком роде и боится, что даже мисс Вудхаус – тут мистер Элтон помедлил – или мисс Смит едва ли сможет его вдохновить.

Однако уже на завтра вдохновение все ж посетило викария. Он заглянул в Хартфилд на несколько минут лишь для того, чтобы оставить на столе листок с загадкой, которую, по его словам, сочинил некий знакомый ему молодой человек для юной леди – предмета своего восхищения. По тону, каким это было сказано, Эмма тотчас узнала, что стихотворение написано мистером Элтоном самолично, хотя он и сказал:

– Я не вправе предложить его для коллекции мисс Смит, ибо оно принадлежит перу моего друга и для публичного чтения не годится, однако вам, возможно, угодно будет на него взглянуть.

Слова эти были адресованы скорее Эмме, нежели Харриет, чему первая с легкостью нашла объяснение: скованный застенчивостью влюбленного, мистер Элтон обращался не к той, что сделалась предметом его чувств, а к ее подруге.

– Возьмите, это для вас. Для вас одной, – сказала Эмма, едва гость ушел, и подвинула стихотворение к своей компаньонке.

Однако Харриет, затрепетав, не могла даже коснуться листка, и мисс Вудхаус, которая ни в чем не отказывалась быть первой, сама прочитала послание:

К мисс...

Силен и своеволен сын Адама.
Все покори́л он: горы и леса,
А также бурную стихию океана,
Таящую творенья чудеса.
Однако если в грудь стрела вонзится,
Волнуя сердце, что любить готово,
Склонится муж, как раб, к ногам девицы —
Твой быстрый ум уж видит это слово.
В глазах нежнейших вспыхнул милый свет...
О, пусть они мне не ответят «нет»!

На мгновение задумавшись, она во второй раз пробежала строки глазами, чтобы убедиться в правильности своей догадки, и с радостной улыбкой передала стихотворение Харриет. Пока та в недоумении его изучала, олицетворяя одновременно надежду и глупость, Эмма думала: «Недурно, мистер Элтон, в самом деле недурно. Написано довольно ловко. «Сватовство» – намек вполне ясный, надобно отдать вам должное. Этой загадкой вы выразили соб-

ственные чувства, откровенно сказав: «Прошу вас, мисс Смит, позвольте мне обратиться к вам с признанием. Одобрите единым взглядом мое сочинение и мои намерения!» «В глазах нежнейших...» – глаза Харриет и вправду очень нежны, вернее и не скажешь. «Твой быстрый ум уж видит это слово...» – ум Харриет представляется ему «быстрым»? Хм, тем лучше. Раз так, то он, верно, влюблен в нее без памяти. Ах, мистер Найтли, как жаль, что я не могу вам этого прочесть! Уж это бы вас убедило. Впервые в жизни вам пришлось бы признать себя неправым. Нет, загадка и правда превосходна! Отлично служит своей цели. Ждать счастливого разрешения теперь осталось недолго».

Вероятно, Эмма продолжила бы предаваться этим приятнейшим размышлениям, если бы их не прервали нетерпеливые вопросы взволнованной Харриет:

– Что бы это могло быть, мисс Вудхаус? Какое слово? Я прямо-таки ума не приложу! Ах как бы я хотела угадать! Прошу вас, мисс Вудхаус, постарайтесь вы! Помогите же мне! В жизни не встречала ничего хитроумней! «Сын Адама» – это мужчина? Вот бы узнать, кто тот друг мистера Элтона и кто та девица! Как по-вашему – хороша ли загадка? Тут и девица, и океан. Уж не русалка ли? Да еще какая-то стрела... Дева со стрелой... Быть может, Минерва? Ох, до чего же трудно! Видно, сочинитель очень умен, если придумал такое. Мисс Вудхаус, удастся ли нам отыскать загадку?

– Русалка, Минерва? Милая моя Харриет, что за глупости у вас в голове? К чему мистеру Элтону приносить нам стихотворение, сочиненное его другом о русалке или Минерве? Вы взгляните-ка лучше внимательней. «К мисс...» читайте как «К мисс Смит». А теперь просто возьмите и сложите вместе все первые буквы. Что выходит? «Сватовство»! Да поглядите еще, какую картину он нарисовал: сильный и гордый муж, властитель суши и моря, «склоняется, как раб, к ногам девицы». Какой галантный комплимент! Далее он обращается к вам со словами, которых смысл, надеюсь, вам не трудно будет уразуметь. Перечитайте стихотворение без спешки. Не сомневайтесь: оно адресовано вам и толь- ко вам.

Харриет, не в силах долго противиться, позволила внушить столь отрадную мысль. Поглядев на последние строки, она лишилась дара речи от волнения и восторга. Да ей, пожалуй, и не нужно было говорить: с нее довольно и чувств, – а говорила Эмма:

– Этот комплимент исполнен столь определенно выраженного смысла, что я более нисколько не сомневаюсь в намерениях мистера Элтона. Вы предмет его чувств, в чем скоро вполне убедитесь. Я давно предполагала это и понимала, что едва ли могу сильно заблуждаться в таком деле, но теперь последние сомнения рассеяны. Мистер Элтон решился, и цель его ясна. Она в точности совпадает с тем, чего я и хотела для вас, Харриет, с самого нашего знакомства. Да, с тех самых пор я желала, чтоб все вышло так, как вышло. Пожалуй, и не скажешь, как вернее всего назвать взаимную вашу склонность: естественна она или желательна. И то, и другое в равной степени! Я счастлива и от полноты души поздравляю вас, дорогая! Всякая женщина может гордиться тем, что сумела внушить любовь такому мужчине. Этот союз будет для вас во всех отношениях благотворен. Вы получите все, в чем нуждались: заботливого мужа, независимое положение, хороший дом, – укрепитесь в кругу истинных ваших друзей, останетесь подле Хартфилда, подле меня, навеки утвердив нашу с вами дружбу. За такой брак ни вам, ни мне не придется краснеть.

– О, дорогая мисс Вудхаус!.. – Поначалу Харриет не могла промолвить ничего, кроме этого восклицания, многократно ею повторяемого и сопровождаемого нежными объятиями. Когда же пришла в состояние, позволявшее вести подобие беседы, Эмма убедилась в том, что ее мысли, чувства, предчувствия и воспоминания именно таковы, какими им следует быть. Полное превосходство мистера Элтона над фермером Мартином более не вызывало в ней ни малейшего сомнения.

– Вы всегда все говорите очень верно! – вскричала Харриет. – И потому я предполагаю, я думаю, я надеюсь, что и теперь не ошиблись. Но если б вы мне не сказали, сама бы я никогда

такого не вообразила: для меня это слишком уж невероятно! Мистер Элтон, за которого с радостью пойдет любая барышня! О нем не может быть двух мнений: во всем превосходит! Вы только взгляните на это очаровательно: «К мисс...» – ах как умно! Неужто это в самом деле для меня?!

– Нисколько в этом не сомневаюсь, Харриет, и вы не сомневайтесь. Все ясно как божий день. Доверьтесь моему суждению: эти стихи – пролог к пьесе, эпитафия к главе. А скоро мы услышим само повествование.

– Такого, уж верно, никто не мог ожидать. Месяцем ранее я и сама бы не поверила! До чего странные происходят вещи!

– Когда джентльмены, подобные мистеру Элтону, встречаются девушек, подобных вам (а они встречаются друг друга, и это действительно чудо), им вправду нечасто удается так скоро претворить в жизнь то, что для всех столь очевидно и столь желанно. Вам с мистером Элтоном судьбой назначено соединиться. И положение ваше, и все обстоятельства жизни располагают к тому, чтобы вы стали его женою, а он – вашим мужем. Этот союз будет не меньшей удачей, чем женитьба мистера Уэстона на мисс Тейлор. Видно, в самой атмосфере Хартфилда есть нечто такое, что направляет чувства в верное русло.

Увы! Я никогда еще не слышал И не читал – в истории ли, в сказке ль, – Чтоб гладким был путь истинной любви⁵.

В хартфилдском издании Шекспира эти строки пришлось бы сопроводить пространной оговоркой.

– Подумать только! Мистер Элтон влюбился в меня – в меня одну из всех молодых девиц! А ведь еще на Михайлов день⁶ он и знать меня не знал! Сам мистер Элтон, который всех превосходит красотой и на которого все глядят с почтением, как на мистера Найтли! Все ищут его общества. Говорят, он и дня не обедает в одиночестве, ежели только сам того не пожелает. Приглашений ему присылают больше, чем на неделе дней. А каков он в церкви! Мисс Нэш записывает все его проповеди с тех самых пор, как он приехал в Хайбери. Боже мой! Как сейчас помню тот день, когда впервые его увидела. Разве я могла подумать... Он шел мимо окон нашей гостиной, а мы с девицами Эббот подбежали к окну и стали глядеть из-за штор. Мисс Нэш выбрала нас и прогнала, а сама осталась смотреть. Меня, однако, она подозвала обратно, ведь душа у нее очень добрая. Ах как хорош он нам показался! Он шел под руку с мистером Коулом.

– Кем бы ни были ваши друзья, они не могут не радоваться такому браку, если только в них есть хоть капля здравого смысла. Мнения же глупых людей мы и спрашивать не станем. Тот, кто желает вам счастья в замужестве, может быть спокоен: с человеком такого чудесного нрава вы не будете знать огорчений. Тот, кто хочет видеть вас рядом с собой, в своем кругу, опять же останется доволен – как и тот, кто искал для вас удачной партии в житейском смысле. Вы получите немалое состояние, сделаетесь хозяйкой почтенного дома и так подниметесь в глазах всего света, что все ваши доброжелатели будут вполне удовлетворены.

– Да-да! Как славно вы говорите! Так бы вас и слушала! И все-то вы можете растолковать. Вы равно умны с мистером Элтоном. А какую загадку он сочинил! Мне самой ни за что не придумать подобного, даже если бы я целый год корпела!

– По тому, как он вчера умалял свой поэтический дар, я тотчас поняла: ему непременно захочется себя испытать.

– От роду не встречала я ни одной такой славной загадки!

– А я по меньшей мере не встречала ни одной, которая пришлась бы более к месту и ко времени.

⁵ Шекспир У. Сон в летнюю ночь. Действие I, явление 1. Пер. Н. М. Сатина.

⁶ День Святого Михаила празднуется англиканской церковью 29 сентября.

– И она, пожалуй, длиннее всех, что мы читали прежде.

– Не думаю, чтобы длина была главным ее достоинством. Таким сочинениям краткость только на пользу.

Харриет, чье внимание всецело поглотили стихи мистера Элтона, не слышала последнего замечания. В уме ее рождались самые отрадные сравнения. После нескольких секунд молчания она, покрасневшись, произнесла:

– Одно дело – ежели разум у человека обыкновенный, как у всех прочих людей. Тогда он, если хочет кому-то что-то выразить, сядет и напишет – по-простому, коротенько. И совсем другое дело, когда он может сочинять стихи и хитроумные загадки.

Эмма и желать не могла, чтобы проза мистера Мартина была отвергнута с таким воодушевлением.

– До чего чудесные строки, – продолжала Харриет, – особенно две последние! Но как же мне вернуть стихотворение мистеру Элтону? Как сказать, что я знаю отгадку? Ах, мисс Вудхаус, как нам быть?

– Предоставьте все мне, а сами ничего не говорите. Вечеру он придет. Я возвращу ему листок, мы обменяемся какими-нибудь пустячными замечаниями, а вы пока сидите молча. Поверьте, ваши нежнейшие глаза еще успеют сказать ему «да».

– Ох как жаль, мисс Вудхаус, что я не могу записать эту чудесную загадку в свою тетрадь! Она была бы лучшей во всем нашем собрании!

– Замените чем-нибудь две последних строки и, пожалуй, запишите. Отчего же нет?

– Но те строки...

– Пришлись вам по вкусу более всех остальных? Само собой. Однако написаны они для вас одной, вот и храните их для собственного удовольствия. Из вашей памяти они уж не исчезнут и смысла своего не переменят. Только в тетрадке вы запишете вместо них другие два стиха с теми же начальными буквами. Спрятав адресованную вам похвалу, вы получите премиленький акrostих, годный для любой коллекции. Верьте моему слову: мистеру Элтону отнюдь не хотелось бы, чтобы его творением пренебрегли, как не хотелось бы, чтобы отвергли его страсть. Влюбленного поэта следует поощрять во всем: и в чувствах, и в сочинительстве – или же не поощрять вовсе. Дайте тетрадку сюда: я сама перепишу стихи, чтобы отвести подозрение от вас.

Как ни тяжело было Харриет пожертвовать двумя последними строками, она подчинилась, дабы не выставлять любовное признание на всеобщее обозрение. И даже переделанное Эммой, стихотворение казалось ей слишком ценным, чтобы его читали другие, поэтому она сказала:

– Теперь уж я не выпущу моей тетрадки из рук.

– Это ваше чувство естественно и даже похвально, – ответила ей Эмма. – Чем долее оно продлится, тем лучше. Однако вот идет мой *papa*. Вы ведь позволите мне прочитать загадку для него? Он так будет рад! Папенька обожает подобные штучки, особенно если в них содержится что-нибудь приятное для дам, поскольку сам он неизменно любезен с нашим полом. Позвольте же, я ему прочитаю!

Харриет вздрогнула, явно смутившись, испуганно глядя на подругу.

– Моя дорогая, – стала успокаивать ее Эмма, – не нужно так дрожать над этой загадкой. Не смущайтесь слишком явно, не то выдадите свои чувства и все разгадают скрытый смысл стихов. Пусть вас не обескураживает этот скромный знак восхищения. Если б мистер Элтон очень боялся посторонних глаз, то передал бы вам листок наедине. Между тем он не только не стал дожидаться, когда я выйду, но даже вручил загадку мне. Посему не будем относиться к этому делу чересчур серьезно. Ухаживания мистера Элтона и так принимаются вполне благоклонно. Ни к чему нам до изнеможения вздыхать над этой вещицей.

– О, разумеется! Я бы вовсе не хотела, чтобы мое поведение сочли глупым. Делайте так, как считаете правильным.

Мистер Вудхаус, едва вошел, обратился к барышням с излюбленным своим вопросом:

– Ну что ж, душеньки, как ваша тетрадь? Есть ли в ней прибавления?

– Да, *rara*, сейчас мы прочтем тебе совсем новую загадку. Нынче утром я нашла на столе листок (полагаю, его принесла нам фея), а в нем было премиленькое стихотворение. Мы как раз его переписали.

И Эмма прочитала стихи вслух – четко и с расстановкой, как он любил, – а затем повторила еще дважды и растолковала отгадку. Старик, что вполне отвечало ее ожиданию, остался доволен:

– До чего верно, до чего изящно сказано! «Склонится муж, как раб, к ногам девицы...» Загадка эта столь очаровательна, что я легко угадаю, кто была та фея, которая ее принесла. Только ты, мой ангел, могла сочинить такие прелестные стихи!

Эмма лишь улыбнулась и кивнула. Мистер Вудхаус, помолчав немного, вздохнул с нежной грустью и прибавил:

– Ах! Немудрено понять, от кого ты унаследовала свой талант. Твоя матушка была такая мастерица сочинять! Имел бы я ее память... Но, увы, ни строчки не могу припомнить. Забыл даже ту загадку, о которой давеча уже упоминал. Вот только начало:

Китти, хладная красотка, пламя разожгла.
Разожгла, да так, что стала жизнь мне не мила.
Мальчика проворного на помощь я призвал.
Дай-то Бог, чтоб он мне платье вновь не замарал.

Мистер Вудхаус вздохнул и повторил:

– А более ничего не помню. Помню только, что продолжается этак хитроумно. Но кажется, душенька, эта загадка у тебя уже есть?

– Да, *rara*, на второй странице. Мы взяли ее из «Изящных извлечений», а сочинил их Гаррик.

– Верно-верно... Как же все-таки жаль, что я не могу припомнить дальше... «Китти, хладная красотка...» Всякий раз, когда слышу это имя, мне на память приходит бедняжка Изабелла. Мы ведь думали окрестить ее Кэтрин, в честь бабушки. Надеюсь, на будущей неделе она к нам приедет. Ты уже решила, душенька, где мы поместим ее, а где детишек?

– О, конечно! Изабелла будет, как всегда, в своей спальне. И детскую мы устроим там же, где и прежде. К чему нам что-то менять?

– Не знаю, ангел мой, ведь она так давно нас не навещала: с самой Пасхи, – да и тогда погостила всего несколько дней. То, что мистер Джон Найтли занимается юриспруденцией, создает изрядное неудобство. Бедняжка Изабелла! Жестокая судьба разлучила ее с нами! А как она опечалится, когда приедет и не найдет среди нас мисс Тейлор!

– По крайней мере, *rara*, удивлена она не будет.

– Вот уж не знаю, душенька. Я так очень удивился, когда впервые услышал, что она собирается замуж.

– Мы непременно пригласим мистера и миссис Уэстон к нам отобедать, пока Изабелла будет здесь.

– Да, моя милая, ежели достанет времени. Ведь она приезжает всего на одну-единственную недельку, – с глубокой печалью произнес мистер Вудхаус. – За такой короткий срок ничего не успеть.

– Жаль, что они не смогут оставаться у нас дольше, но, очевидно, такова необходимость: к двадцать восьмому числу мистер Джон Найтли должен возвратиться в Лондон. Нам еще сле-

дует радоваться, *рара*, ведь они проведут у нас всю неделю, не уделив ни дня аббатству Дону-элл. В это Рождество мистер Найтли отказывается от своих родственных притязаний в нашу пользу, хоть у него сестрица с братцем и вовсе давным-давно не гостили.

– Бедняжке Изабелле, мой ангел, было бы очень тяжело жить где-либо, кроме Хартфилда.

Прав мистера Найтли в отношении брата мистер Вудхаус не признавал, как не допускал и мысли, чтобы кто-либо, помимо его самого, мог иметь права в отношении Изабеллы. Поразмыслив, он промолвил:

– Не пойму, к чему так рано уезжать ей, даже если должен ехать ее муж. Думаю, Эмма, я сумею уговорить твою сестрицу погостить у нас подольше. И ей, и детишкам это пойдет исключительно на пользу.

– Ах, *рара*! Прежде вам никогда не удавалось разубедить ее. Боюсь, не удастся и теперь. Изабелла не захочет разлучаться с мужем.

Последнее замечание было слишком бесспорно даже для мистера Вудхауса, которому оставалось лишь с сожалением вздохнуть. Видя, в какое уныние он пришел от напоминания о привязанности старшей дочери к супругу, Эмма поспешила переменить предмет разговора:

– Пока братец с сестрицей будут в Хартфилде, Харриет должна проводить у нас как можно больше времени. Уверена, дети ей понравятся. Мы ведь очень ими гордимся, верно, *рара*? Кто, хотела бы я знать, покажется ей красивее: Генри или Джон?

– В самом деле интересно! Бедные малютки! Как рады они будут у нас погостить! Они ведь очень любят Хартфилд, Харриет.

– Ах, сэр, разве можно не любить Хартфилд?

– Генри – славный мальчуган, но в Джоне больше сходства с матушкой. Генри, хоть он старший, назван в мою честь, а не в отцовскую. В честь отца называли второго сынишку, Джона. Быть может, кого-то это удивляет, но Изабелле уж очень захотелось окрестить первенца Генри – мне кажется, это так мило! А мальчик он в самом деле очень смысленный. Все они на диво умны, и столько у них занятных повадок! Встанут, к примеру, подле моего кресла и скажут: «Дедушка, не дадите ли кусочка веревочки?» А однажды Генри попросил у меня ножик, но я сказал: «Ножики делают только для дедушек». Полагаю, отец частенько бывает к мальчикам слишком строг.

– Он лишь потому вам кажется строгим, – возразила Эмма, – что сами вы чрезвычайно мягки. Однако, сравнив его с другими отцами, вы перемените свое мнение. Он хочет, чтобы сыновья росли деятельными и выносливыми, поэтому, если проказничают, может иногда и побранить. Но ежели говорить вообще, то мистер Джон Найтли – нежный отец. В этом не может быть сомнения. И дети его обожают.

– А дядюшка, когда приходит, вовсе подбрасывает бедных крошек до самого потолка!

– Но им это нравится, *рара*! Для них это самое излюбленное развлечение. Если б дядя не положил им за правило поочередно уступать друг дружке, они бы, верно, всякий раз ссорились.

– Ну уж этого я никак не понимаю.

– Так всегда бывает, *рара*: одна половина мира не понимает того, в чем находит удовольствие вторая.

Спустя некоторое время, когда барышни собирались уже разойтись по своим комнатам одеваться к обеду (обедали в Хартфилде обыкновенно в четыре часа), вновь явился сочинитель неподражаемого акростиха. Харриет в смущении отвернулась, однако Эмма сумела принять гостя со своей обычной улыбкой. Быстрый ее взгляд тотчас различил в выражении лица викария волнение того, кто уже бросил жребий и теперь пришел узнать, что выпало на его долю. В качестве предлога к визиту он, однако, избрал намерение спросить, сумеет ли маленькая хартфилдская компания обойтись ближайшим вечером без него. Если он сможет быть хоть сколько-нибудь полезен, то все прочие дела подождут. Если же в нем не нуждаются, то он бы отобедал у своего приятеля Коула, который давно зазывал его к себе и которому он дал

уже условное обещание. Эмма поблагодарила мистера Элтона, сказав, что ни в коем случае не желает стать причиной разочарования мистера Коула и что папенька ее без труда найдет, с кем сыграть партию в роббер. Последовали галантные возражения, которые были любезно отклонены, и мистер Элтон хотел уже удалиться, как вдруг Эмма сказала, взяв со стола листок:

– Ах, вот то стихотворение, что вы у нас давеча оставляли. Мы вам очень за него признательны. Оно привело нас в подлинный восторг, и я решилась даже записать его в альбом мисс Смит. Надеюсь, ваш друг не будет в обиде. Разумеется, две последние строки я переименовала.

Мистер Элтон, по всей видимости, не знал, как на это ответить. Пробормотав что-то касательно оказанной ему чести, он растерянно поглядел на Эмму и на Харриет, а затем взял со стола раскрытую тетрадку и принялся изучать ее с большим вниманием. Желая сгладить неловкость момента, Эмма с улыбкой произнесла:

– Я прошу вас извиниться за меня перед вашим другом, но загадка, удавшаяся так славно, не должна быть достоянием лишь вас двоих. Тот, кто пишет столь изящно и по-рыцарски, получит одобрение любой женщины.

– Я не колеблюсь могу сказать... – начал викарий, хотя на деле изрядно колебавшийся. – Вот что я вам скажу: ежели мой друг чувствует так же, как я, и ежели бы он видел, как я вижу, какой чести удостоилось скромное его произведение, то он, я нимало не сомневаюсь, счел бы сей миг счастливейшим мгновением своей жизни.

Кончив этот монолог и положив третрадку на стол, гость поспешно откланялся, и Эмма вздохнула с облегчением: как ни благодетелен и ни любезен мистер Элтон, напыщенность его речей пробуждала в ней почти неодолимое желание рассмеяться. Не в силах более противиться означенному позыву, она выбежала прочь, предоставив Харриет в одиночестве упиваться сладостными предчувствиями.

Глава 10

Была уже середина декабря, однако до сих пор погода не чинила барышням серьезных препятствий в регулярном совершении моциона, а потому утром следующего дня Эмма решила посетить бедную семью, жившую в небольшом отдалении от Хайбери.

Путь к одинокой хижине пролегал по Викариевой дороге. На этой тропе, отходившей под прямым углом от главной деревенской улицы (широкой, хотя и неправильной), стояло, как следует из ее названия, благословенное жилище мистера Элтона. Пройдя с четверть мили и миновав несколько небольших домишек, путник видел довольно неказистое старое здание, подступившее к дороге едва ли не вплотную. Столь неудобно расположенное, оно много выиграло в наружной привлекательности благодаря стараниям нынешнего своего владельца. Приблизившись к пасторскому дому, две юные дамы не могли не обратить на него внимательного взора и не замедлить шага.

– Ну вот, Харриет, сюда вы в скором времени отправитесь вместе с вашей тетрадкой.

– Ах какой миленький, какой чудесный дом! Мисс Нэш так хвалила эти желтые занавески!

– Теперь я нечасто хожу этой дорогой, – сказала Эмма, – однако, когда появится повод, постепенно освоюсь среди многочисленных изгородей, ворот, прудов и аллей этой части Хайбери.

Харриет, доселе, как оказалось, никогда не бывавшая в доме викария, выказала до того живое любопытство, что Эмма, взвесив все обстоятельства, могла усмотреть в этом лишь свидетельство любви, ибо здание было в той же степени «чудесно», в какой ум мисс Смит «быстр».

– Хорошо бы войти, но не могу подыскать благовидного предлога. Нет никакого слуги, о котором я могла бы расспросить экономку, нет и записки от папеньки.

Эмма задумалась, но ничто не шло ей на ум. Прождав в молчании несколько минут, Харриет заговорила:

– До чего все же удивительно, мисс Вудхаус, что сами вы такая прелестная, а до сих пор не вышли замуж и даже не обручены!

Эмма, смеясь, ответила:

– Собственная моя прелесть еще не причина для вступления в брак. Прелестными должны казаться мне другие, вернее, другой. Кстати сказать, я не только теперь не намерена выходить замуж, но и в дальнейшем едва ли пожелаю.

– Ох! Неужто вы можете так говорить? Ушам своим не верю!

– Чтобы я переменяла свое мнение относительно замужества, мне должен встретиться кто-то такой, что будет много превосходить всех, кого я знала до сей поры. Мистер Элтон, – пояснила Эмма, исправляя невольную оплошность, – не в счет. Да я, пожалуй, и не желала бы видеть такого необыкновенного мужчину. Искушение мне ни к чему, ведь сделаться еще лучше моя жизнь уж не может. Значит, выйдя замуж, я вскоре должна буду пожалеть об этом шаге.

– Боже мой! До чего странно слышать подобные речи от женщины!

– Я чужда всего того, что обыкновенно побуждает девиц к замужеству. Будь я влюблена, это, само собой, меняло бы дело. Однако ж я никогда не была влюблена прежде и, наверное, никогда не влюблюсь впредь. Любовь не сообразна ни с укладом моей жизни, ни с моей натурой. А без любви мне нет причины отказываться от нынешнего положения, которым я вполне довольна. Состояние, простор для деятельности, положение в свете – все это у меня есть. Полагаю, лишь немногие женщины в той же мере чувствуют себя хозяйками в имениях своих мужей, в какой я вольна распоряжаться у себя дома. Нигде, нигде меня не будут так любить и так ценить. Кроме папеньки, нет мужчины, в чьих глазах я всегда была бы так хороша и так права.

– Но ведь в конце концов вы сделаетесь старой девой, как мисс Бейтс!

– Ах, Харриет, к чему вы так пугаете меня? Разве вероятно, чтобы я когда-нибудь стала похожа на это существо – глупенькое, надоедливое, вечно улыбающееся, вечно благодарящее всех за всякий пустяк без разбору, вечно болтающее обо всем подряд? О, если б я могла такое хоть в мыслях допустить, то завтра же вышла бы замуж! Но я уверена, что между нами не может быть иного сходства, кроме незамужнего положения.

– Однако ж старой девой вы все-таки станете, и это ужасно!

– Не печальтесь, Харриет, бедность мне не угрожает, а только она и делает безбрачие жалким в глазах добрейшей нашей публики. Одинокая женщина, если очень стеснена в средствах, и в самом деле неизбежно превращается в глупую и докучливую старую деву, предмет насмешек соседских детей, но ежели имеет приличный доход, то люди смотрят на нее с уважением, находя в ней разумную и приятную собеседницу. Сперва может показаться, будто порочность света – единственная тому причина, однако бедность и вправду иссушает ум, а также портит нрав. Кто едва сводит концы с концами, кто вынужденно ограничивает свои знакомства узким кругом необразованных простолюдинов, тому недолго самому сделаться грубым и сварливым. К мисс Бейтс мои слова, однако, не относятся. Бедняжка чересчур добродушна и чересчур глупа, чтобы быть мне ровней, в остальном же мила, и все ее любят, невзирая на малый доход и стародевичество. Стесненные обстоятельства не сделали из нее скряги: я убеждена, что, будь у ней всего шиллинг⁷, она бы шесть пенсов раздарила. У людей нет причин ее сторониться, и это славно.

– Боже правый! Но что вы станете делать? Чем будете себя занимать, когда состаритесь?

– Если я сколько-нибудь знаю свою натуру, Харриет, у меня деятельный ум, и пищи для него имеется в избытке. Полагаю, лет в сорок-пятьдесят я найду ему применение с той же легкостью, что и в двадцать один год. То, чем обыкновенно бывают заняты женские руки и головы, останется так же доступно мне, как и теперь. Во всяком случае, едва ли меня ждут большие перемены. Пожалуй, рисовать я стану меньше, зато читать – больше. Заброшу музыку, но займусь плетением гобеленов. Что до предметов любви и участия, отсутствие коих вправду составляет одно из зол незамужнего положения, то и в них я не буду испытывать недостатка: забота о детях дорогой моей сестрицы, полагаю, даст мне все, в чем только может нуждаться стареющая душа. Изведаю я и надежды, и опасения. Чувства мои не будут, конечно, равны материнским, но пылкой слепой любви я и не хочу – она лишила бы меня покоя. Ах, мои племянники и племянницы! Девочки могли бы часто гостить в моем доме...

– А знаете ли вы племянницу мисс Бейтс? Вернее, вы, должно быть, раз сто ее видали, но представлены ли вы друг дружке?

– О да, нас вынуждают знакомиться всякий раз, когда она приезжает в Хайбери. Вот уж, кстати сказать, что охлаждает мое желание становиться любящей теткой. Не дай мне бог так докучать людям разговорами обо всех маленьких Найтли вместе взятых, как мисс Бейтс – болтовней о своей Джейн Фэрфакс. Мне уже от одного имени делается тошно! Каждое ее письмо перечитывается по сорок раз, все любезности, какие она просила передать знакомым, повторяются снова и снова, ну а если она пришлет рисунок для корсажа или подвязки для бабушки, то целый месяц кряду ее тетенька ни об чем другом не говорит! При всей моей благожелательности к Джейн Фэрфакс она утомляет меня до смерти!

Праздный разговор между барышнями прекратился, когда они приблизились к цели своего путешествия. Зная сострадательность Эммы, бедняки могли так же рассчитывать на ее терпеливое участие и добрый совет, как и на утешение, проистекающее из ее кошелька. Она знала жизнь простых людей, снисходительно смотрела на их невежество и слабость перед соблазнами, чуждая романтических представлений о высокой добродетели тех, чьи умы не тронуты образованием. Горести обездоленных вызывали в ней неизменное сочувствие, а помощь ее

⁷ Один шиллинг (была в обращении до 1971 г.) равен двенадцати пенсам.

всегда бывала дельной и оказывалась с охотой. В той хижине, которую Эмма посетила сегодня, совместно властвовали нищета и недуг. Просидев столько времени, сколько ее присутствие и советы могли приносить пользу, она собралась уходить и, покинув хижину, с чувством сказала своей компаньонке:

– Время от времени всякий из нас должен видеть такие картины. В сравнении с ними все другое кажется пустяком. Теперь, наверное, я до конца дня не смогу ни о чем думать, кроме этих несчастных созданий. А может быть, и дольше. Кто знает, когда воспоминания о них перестанут тревожить мой ум!

– О, и правда, несчастные создания! – отозвалась Харриет. – Нельзя ни о чем другом думать.

– Полагаю, впечатление и вправду не скоро исчезнет, – молвила Эмма, сходя с шаткой ступеньки, которой завершалась узкая скользкая тропка, соединявшая дом с дорогой, – очень не скоро.

Остановившись подле низкой живой изгороди, она обернулась, чтобы запечатлеть в сознании наружное убожество жилища и припомнить еще большую нищету, царившую внутри.

– О да, не скоро, – подхватила Харриет.

Приятельницы продолжили путь. Миновав то место, где дорога делала легкий изгиб, они тотчас увидели мистера Элтона, причем он был уже совсем близко, и Эмма, улыбнувшись, едва успела сказать подруге:

– Ах! Сдается мне, нашему постоянству в скорби грозит неожиданное испытание. Что ж, ежели сочувствие наше было деятельным и отчасти облегчило страдания бедного семейства, полагаю, нам извинительно будет этим удовольствоваться. Если мы сделали для несчастных все, чем могли им помочь, то, продолжая скорбеть, лишь причиним себе бесплодное огорчение.

– О да, конечно! – согласилась Харриет, и уже в следующую секунду мистер Элтон присоединился к их беседе.

Сперва рассуждали о нуждах и тяготах бедной семьи, которую викарий как раз собирался посетить, и хоть теперь он решил отложить свой визит, разговор о том, что можно и что следует сделать, вышел преинтересный. Мистер Элтон повернул назад, желая сопроводить дам.

«Общность в столь благородных намерениях, единство в столь богоугодном устремлении, – подумала Эмма, – весьма способствует укреплению взаимной любви. Я даже вовсе не удивлюсь, если признание последует в самом скором времени. Он, наверно, сейчас открылся бы ей, не будь здесь меня. Ах вот бы мне исчезнуть!»

Желая оставить подругу с мистером Элтоном наедине, Эмма поспешно свернула с главной дороги на узкую тропку, что вела вверх по склону холма, но не прошло и двух минут, как увидела, что Харриет, во всем от нее зависимая и во всем привыкшая ей подражать, последовала ее примеру. Теперь оба шли за нею по пятам. Это никуда не годилось. Эмма остановилась посреди тропинки и, нагнувшись якобы затем, чтобы перешнуровать ботинок, настоятельно попросила викария и свою компаньонку продолжать путь, а она-де догонит их через полминутки. Они исполнили ее просьбу. По прошествии некоторого времени, когда медлить под прежним предлогом было уж нельзя, ей подвернулся новый: из бедняцкой хижины вышла девочка с кувшином, посланная по распоряжению своей благодетельницы в Хартфилд за бульоном. Идти рядом с ребенком, дорогой расспрашивая его, – что могло быть естественней? Именно так Эмма и поступила бы, даже не имея никаких задних мыслей: например, позволить Харриет и мистеру Элтону идти дальше, не дожидаясь ее, – однако ребенок шел быстро, а они довольно медленно, и вскоре она, сама того не желая, почти поравнялась с ними. Беседа, как она тотчас отметила, очень их увлекла: викарий оживленно говорил, Харриет слушала со вниманием и удовольствием. Отослав девочку, Эмма стала придумывать, как бы задержаться еще на какое-то время, но тут ее друзья обернулись, и ей пришлось присоединиться к ним.

Мистер Элтон продолжал говорить. К некоторому разочарованию Эммы, предметом беседы оказался вчерашний ужин у мистера Коула. Перечисляя в подробностях все, что подавалось на стол, викарий как раз дошел до сыров (стилтонского и североуилтширского), масла, сельдерея, свеклы и сладких блюд.

«От этого они, конечно, скоро перешли бы к более важным предметам, – утешала себя Эмма. – Влюбленным все интересно знать друг о друге, и всякий разговор между ними сводится к делам сердечным. Ах если бы им удалось подольше быть наедине!»

Некоторое время все трое тихо шагали рядом. Когда впереди показалась ограда пасторского дома, Эмма, движимая желанием хотя бы помочь подруге оказаться внутри, снова вдруг обнаружила какой-то неполадок с ботинком и остановилась его поправить. Быстро оборвав и незаметно отшвырнув шнурок, она окликнула друзей и призналась им, что обувь ее пришла в полную негодность и не позволит ей продолжать путь иначе, как с большим неудобством.

– Шнурок у меня порвался, а чем его заменить, я не знаю, – сказала Эмма. – Мне жаль доставлять вам хлопоты (обыкновенно я, смею надеяться, содержу свою обувь в большем порядке), но я вынуждена обратиться к вам за позволением, мистер Элтон, зайти в ваш дом, чтобы просить у экономки другой шнурок или кусок ленты – что угодно, чем можно подвязать ботинок.

Эта просьба, казалось, безмерно осчастливила мистера Элтона: с непревзойденной услужливостью пригласив барышень в свое жилище, он всячески старался показать его в лучшем виде. Комната, в которую он их проводил и в которой обычно сживал сам, выходила окнами на улицу. За ней была другая, смежная. Эмма прошла туда с экономкой, чтобы, расположившись самым удобным образом, получить необходимую помощь. Не решившись сама затворить за собою дверь, она надеялась, что это сделает мистер Элтон. Дверь, однако, так и осталась открытой. Поддерживая непрерывную беседу с экономкой, Эмма хотела, чтобы викарий избрал отдельный предмет для разговора с Харриет, однако на протяжении десяти минут в соседней комнате было тихо. Не имея оснований медлить дольше, мисс Вудхаус зашнуровала наконец ботинок и возвратилась в гостиную.

Влюбленные стояли вдвоем у одного из окон. Эта картина показалась Эмме столь отрадной, что она даже подумала, уж не увенчались ли ее усилия успехом. Но нет, решительных слов мистер Элтон до сих пор не произнес: будучи по обыкновению чрезвычайно любезен, он рассказал Харриет о том, как увидал их в окно, когда они давеча проходили мимо, и как нарочно пошел следом. Галантные комплименты и милые намеки не заставили себя ждать, однако ничего серьезного сказано не было.

«До чего же он осторожен! Продвигается дюймовыми шажками, не желая ничем рисковать, покуда не увидит, что дело верное», – подумалось Эмме. И хоть ее хитроумные уловки не привели к желанной цели, она все же не могла себя не хвалить за то, что сумела доставить влюбленным столько радости, чем, вполне вероятно, приблизила их к знаменательному событию.

Глава 11

Мистера Элтона теперь надлежало предоставить самому себе. Направлять и ускорять его стремление к собственному счастью Эмма уж не могла. Близился приезд Изабеллы с семейством, и главным предметом интереса для хозяйки Хартфилда сделались сперва приготовления к приему гостей, а затем и сами гости. В продолжение тех десяти дней, что сестра пробыла в имении, Эмма лишь подталкивала влюбленных друг к другу от случая к случаю. Возможно-сти оказать им услугу более ценную ждать не следовало – она, по крайней мере, не ждала. Они, впрочем, могли бы и сами прилагать побольше стараний. Им уж давно пора было ускорить шаг, в какую бы сторону ни решились идти. Раздосадованная их нерасторопностью, Эмма, пожалуй, и не жалела о том, что время не позволяет ей опекать их, как прежде, ибо есть люди, которые тем меньше делают сами, чем больше делается для них.

Мистер и миссис Джон Найтли отсутствовали в родных краях дольше обыкновенного, и потому внимание, теперь оказанное им в Хартфилде, также превосходило обычное. Со времени своей свадьбы и до сего года они делили всякие продолжительные каникулы на две половины и одну проводили в Хартфилде, а другую – в аббатстве Донуэлл. Этой же осенью они ради пользы детей отправились на морское побережье, стало быть, после прошлого их регулярного визита в графство Суррей минуло уж много месяцев. И если иные родственники время от времени наезжали в Лондон, то мистер Вудхаус, ни за что не соглашавшийся на столь продолжительное путешествие (хотя бы и в гости к бедняжке Изабелле), вовсе не видал дочери с самой Пасхи. Теперь он, как никто другой, был преисполнен радостного волнения в ожидании ее приезда – увы, всего на десять денечков.

Весьма обеспокоенный мыслью о тяготах пути для самих путников, старый джентльмен немало тревожился и о том, не слишком ли утомятся собственные его лошади и кучер, которым надлежало встретить гостей на полдороге, однако все опасения оказались напрасными: благополучно преодолев шестнадцать миль, мистер и миссис Джон Найтли с пятью детьми и их няньками явились в Хартфилд целые и невредимые. Прибытие стольких гостей, каждого из которых следовало встретить, приветствовать, обласкавать, расспросить и разместить, произвело такой шум и такую суету, каких мистер Вудхаус не вытерпел бы ни в каком ином случае. Он и теперь с трудом дождался, когда суматоха утихнет. Благо миссис Джон Найтли, уважая порядки родного дома и щадя нервы отца, запрещала детям долго его беспокоить (резвились ли они одни или под присмотром нянек), вопреки естественному материнскому желанию возможно скорее удовлетворить любые потребности своих крошек – в пище ли, в питье или в заботливом уходе, в удобной постели для сна или в просторе для игр.

Миссис Джон Найтли была миловидной дамой изящного телосложения, приятных манер, кроткого нрава и сердца, весьма расположенного к нежности. Всецело преданная своему семейству, Изабелла испытывала к отцу и сестре такую привязанность, горячее которой могла быть лишь ее же любовь к мужу и детям. В каждом из своих родных она души не чаяла. Как и папенька, не блиставшая ни глубиной, ни быстротой ума, она также походила на мистера Вудхауса хрупкостью собственного здоровья и чрезмерной заботой о здоровье детей. Терзаемая многими страхами и тревогами, Изабелла столь же дорожила мистером Уингфилдом, городским доктором, как ее родитель – мистером Перри. Сходство между ней и отцом довершалось всеобъемлющей благожелательностью и непоколебимой приверженностью ко всем старым знакомым.

Мистер Джон Найтли отличался высоким ростом, благородством манер и недюжинным умом. Он хоть и был многообещающим адвокатом и примерным семьянином, однако по причине холодности обращения едва ли мог называться человеком приятным. Не то чтобы он имел дурной нрав или слишком часто сердился, не имея на то оснований, но бывать не в духе ему

случалось. Добродушие определенно не принадлежало к числу его природных достоинств, а обожание со стороны супруги лишь усиливало в нем изначальные несовершенства. Ее чрезмерная кротость ему вредила. Обладая быстротой и ясностью ума, коих недоставало ей, он мог иногда поступить нелюбезно или сказать резкое слово.

Эмма не любила зятя и, зорко подмечая каждый его изъян, болезненно ощущала малейшую обиду, нанесенную им Изабелле, даже если та вовсе и не обижалась. Быть может, она была бы к нему снисходительнее, если б он немного ей льстил, однако в его обращении с нею ощущалась лишь сдержанная доброжелательность брата и друга без малейшей склонности к слепому восхвалению. Главное же, что возмущало ее в нем и чего она не простила бы ему ни за какие комплименты, – это недостаток почтительной терпимости к ее отцу. Странности беспокойного мистера Вудхауса порой встречали со стороны мистера Джона Найтли разумный упрек или колкую насмешку. Случалось такое не слишком часто (ибо, говоря вообще, он был искренне расположен к тестю), однако много чаще, нежели Эмма соглашалась терпеть. Даже если старику и не наносилось действительной обиды, ожидание этого нередко терзало ее.

Так или иначе, начало всякого визита неизменно знаменовалось проявлением самых подобающих случаю родственных чувств, а поскольку нынче мистер и миссис Джон Найтли приехали ненадолго, то можно было надеяться, что до самого их отъезда сердечность встречи не будет ничем омрачена. Вскоре после того как гости и хозяева, покончив с хлопотами, расселись в гостиной, мистер Вудхаус покачал головой и, вздохнув, указал старшей дочери на печальную перемену, произошедшую в Хартфилде за время ее отсутствия.

– Ах, моя милочка! – молвил он. – Бедная мисс Тейлор! Какое несчастье!

– О да, сэр! – вскричала Изабелла, всегда готовая сочувствовать отцу. – Как вам, верно, ее недостает! И милой Эмме тоже! Какая тяжкая потеря для вас обоих! Я так о вас горевала! Все думала, как же вы станете без нее обходиться? Да, это печальная перемена, но я надеюсь, что мисс Тейлор хорошо живет, сэр.

– Очень хорошо, милочка, я тоже на это надеюсь. Правда, знать я могу лишь одно: то место как будто не вредит ее здоровью.

Тут мистер Джон Найтли тихо спросил у Эммы, в самом ли деле воздух Рэндалса может внушать опасения.

– Ах нет, ни малейших! Напротив, никогда прежде я не видала миссис Уэстон такой цветущей! Папенькой руководят лишь собственные его сожаления.

– Если сожаления его столь велики, это делает честь им обоим, – последовал учтивый ответ.

– Не слишком ли редко вы теперь видите, сэр? – спросила Изабелла жалостливым тоном, как нельзя более подходящим для ее отца.

Мистер Вудхаус, поразмыслив, ответил:

– Реже, милочка, чем мне бы хотелось.

– Но, рара! С тех пор как они поженились, мы видели их почти ежедневно! Утром или вечером всякого дня за исключением только лишь одного мы беседовали с мистером или миссис Уэстон, а чаще с ними обоими, либо в Рэндалсе, либо здесь, у нас. Обыкновенно у нас, как ты, Изабелла, понимаешь. Они к нам очень, очень добры и аккуратно нас посещают. Мистер Уэстон – милейший человек, под стать его супруге. *Рара*, ежели вы и дальше будете говорить так печально, Изабелла, чего доброго, подумает, будто мы и впрямь терпим лишения. Друзьям нашей мисс Тейлор не может ее не хватать: с этим в самом деле не поспоришь, – но все мы должны отдать мистеру и миссис Уэстон справедливость: они делают все, чего только можно пожелать, чтобы мы не ощущали тягот разлуки.

– Так я и понял из ваших писем, – молвил мистер Джон Найтли, – и это похвально. Неоспоримо желание бывшей вашей гувернантки не оставить вас вниманием, а то, что муж ее имеет довольно свободного времени и расположен проводить его в кругу друзей, весьма

упрощает дело. Не зря я говорил тебе, душа моя: перемены, произошедшие в Хартфилде, едва ли могут быть так серьезны, как ты опасаясь. А теперь Эмма подтвердила мои слова, и ты, я надеюсь, довольна.

– О, конечно, – сказал мистер Вудхаус, – конечно, я этого не отрицаю: миссис Уэстон, бедняжка миссис Уэстон в самом деле очень часто к нам приезжает, но потом... потом ей всякий раз приходится снова уезжать.

– Ну разумеется, *rara*, иначе мистеру Уэстону пришлось бы тяжело. Вы совсем о нем позабыли.

– Я тоже полагаю, – произнес Джон Найтли любезным тоном, – что мистер Уэстон может иметь кое-какие притязания. Давайте-ка мы с вами, Эмма, встанем на сторону бедного супруга. Я муж, как и он, а вы никому не приходите женою. Кому, если не нам, его защищать? Что до Изабеллы, то она уж достаточно давно ведет жизнь замужней дамы, чтобы понять, до чего это удобно – по мере возможности отодвигать мистеров Уэстонов в сторонку.

– Я, мой друг? – вскричала миссис Уэстон, только отчасти уразумевшая смысл последних слов. – Ты обо мне говоришь? Но разве есть, разве может быть такой человек, который привержен к супружеству более меня? Да если б не печальная необходимость покинуть Хартфилд, я бы не думала о мисс Тейлор иначе, нежели как о счастливейшей женщине на свете. Ну а мистер Уэстон, многоуважаемый мистер Уэстон... я далека от того, чтобы пренебрегать его правами. Он, я уверена, достоин всего наилучшего. В этом мире не много найдется столь добронравных людей. Пожалуй, я не знаю ему равных, ежели не считать тебя и твоего братца. Век буду помнить, как в последний день прошлой Пасхи, в ветреную погоду, мистер Уэстон помог нашему Генри запустить воздушный змей. А какую услугу оказал он нам в сентябре, полтора года назад, когда среди ночи взялся написать мне записку, в которой уверил, что в Кобеме нет скарлатины! Более отзывчивого сердца в целом свете не сыщешь! И если кто заслуживает такого прекрасного мужа, то это, конечно, мисс Тейлор!

– А где сын его? – спросил Джон Найтли. – Приезжал ли по случаю такого события?

– Покамест нет, – отвечала Эмма. – После свадьбы его очень ждали, но так и не дождались. В последнее время о нем как будто ничего не слышно.

– А как же письмо, душенька? – промолвил мистер Вудхаус. – Он прислал бедняжке миссис Уэстон поздравление – очень почтительное и любезное. Она показала его мне, и я не мог не похвалить молодого человека. Правда, как знать, сам ли он придумал написать к ней? Он ведь еще юн, и дядя, быть может...

– Мой дорогой *rara*, ему двадцать три года. Вы забываете, как быстро летит время.

– Двадцать три? Неужто в самом деле? Никогда бы не подумал... Ему ведь было не более двух лет от роду, когда скончалась бедная его матушка. Время и впрямь летит, а память моя очень дурна... Ну а письмецо вышло славное. Уж как радовались мистер и миссис Уэстон! Помню, писано оно было в Уэймуте двадцать восьмого числа сентября и начиналось так: «Многоуважаемая сударыня!» Дальше я позабыл. Но отлично запомнил подпись: «Уэстон-Черчилл».

– Ах как это приятно и учтиво! – воскликнула добродушная миссис Джон Найтли. – Я несколько не сомневаюсь: он очень милый молодой человек, – но до чего же печально, что он не живет в доме своего отца! Это так ужасно, когда дитя забирают от родителей, из-под отчего крова! Никогда я не понимала, как мистер Уэстон мог с ним разлучиться. Отдать собственное чадо! Трудно не думать дурно о тех, кто может кому-либо предложить такое.

– О Черчиллах, полагаю, никто и не думает лестно, – холодно заметил Джон Найтли. – Однако не воображай, будто мистер Уэстон ощущал то же, что почувствовала бы ты, если бы тебе пришлось расстаться с Генри или Джоном. Мистера Уэстона скорее отличает легкость и веселость нрава, нежели глубина переживаний. Он принимает вещи такими, каковы они есть, стараясь наслаждаться выгодными сторонами всякого положения. Полагаю, что счастье его

более зависит от так называемого дружеского общества, то бишь от возможности кушать, пить и играть в вист с соседями по пять раз на неделе, нежели от крепости семейных уз или прочих прелестей домашней жизни.

Такие рассуждения о мистере Уэстоне пришлись Эмме не по вкусу, и она хотела было возразить, однако, сдержавшись, промолчала. Ей хотелось сколь возможно дольше сохранять мир в родственном кружке. Тем более что склонность Джона Найтли свысока смотреть на тех, кто любит общество, проистекала из сильной его привязанности к дому и незыблемому домашнему укладу. Этой своей чертой, заслуживающей похвалы и почитания, зять Эммы снискал себе право на снисхождение.

Глава 12

К обеду ждали мистера Найтли, что вызывало некоторое неодобрение мистера Вудхауса, не желавшего ни с кем делить свою дочь в первый день по приезде. Эмма, однако, все-таки сочла должным пригласить свойственника. Принимая во внимания его братские права, она также находила особое удовольствие в том, чтобы позвать его отобедать после их размолвки, ибо надеялась, что они снова станут друзьями. Давно пришло время прекратить ссору. Но как? Эмма, разумеется, была права, а мистер Найтли своей вины не признавал. Об уступке с той или другой стороны не могло быть и речи. Оставалось только притвориться, будто несогласие совершенно позабыто.

В надежде ускорить примирение Эмма вышла навстречу мистеру Найтли с младшим ребенком – прехорошенькой девочкой месяцев восьми от роду на руках, – которого привезли в Хартфилд впервые. Малышку очень радовало, что тетя, приплясывая, носит ее по комнатам. Присутствие крошки действительно помогло: сперва мистер Найтли был хмурым и задавал лишь краткие вопросы, но постепенно сделался более разговорчив и с подлинно дружеской бесцеремонностью взял ребенка из рук Эммы. Увидев, что мир восстановлен, она испытала огромное удовлетворение, к которому затем примешалась некоторая доля озорства. Глядя, как мистер Найтли любит малютку, она не могла не сказать:

– Какое это утешение, что хотя бы во мнении о наших племянниках и племянницах мы с вами едины! На взрослых мужчин и женщин мы порой смотрим по-разному, однако эти дети, полагаю, никогда не послужат причиной размолвки между нами.

– Между нами вовсе никогда не было бы размолвок, если бы вы судили о взрослых так же, как судите о детях, то есть больше руководствовались бы своей природой и меньше – собственными фантазиями и прихотями.

– Ну разумеется! Причина всех наших размолвок – моя неправота.

– Так и есть, – улыбнулся мистер Найтли. – Посудите сами: когда вы родились, мне уж было шестнадцать лет.

– О да, в ту пору различие между нами в самом деле было огромно. Тогда, конечно же, вы много превосходили меня зрелостью суждений. Но, вероятно, теперь, по прошествии двадцати одного года, эта пропасть уж не столь велика.

– Не столь велика – это верно.

– Но все же слишком велика, чтобы в случае нашего несогласия я могла оказаться правой?

– Я по-прежнему имею перед вами преимущество, состоящее в шестнадцати годах опыта, а также в том, что я не хорошенькая женщина и не испорченное дитя. Полноте, дорогая Эмма, будем друзьями! Не станем больше поминать об этом! Скажи тетушке, малышка Эмма, чтобы не учила тебя ворошить прежние обиды. Даже если б она была права прежде, теперь ей следовало бы подать тебе лучший пример.

– Что правда, то правда! – воскликнула старшая Эмма. – Ты должна во всем превзойти свою тетю, моя крошка. Пускай ума в тебе будет много больше, а самодовольства вдвое меньше. А теперь, мистер Найтли, еще словечко-два – и покончим с этим. Ежели судить по доброте наших намерений, то оба мы были правы. Что до тех доводов, которые я привела вам в споре, ни один из них еще не обнаружил своей несостоятельности. Я лишь хотела бы знать, не слишком ли горьким оказалось разочарование мистера Мартина.

– Горше некуда, – кратко и емко ответил мистер Найтли.

– Ах! Мне в самом деле очень жаль... Ну же, пожмем друг другу руки.

Тотчас после их рукопожатия (весьма сердечного) в зал вошел зять Эммы. Последовало непременное истинно английское приветствие: «Как поживаешь, Джордж? Как поживаешь,

Джон?» – под внешней холодностью коего скрывалась такая привязанность, движимый которой каждый из братьев при необходимости пошел бы на все ради второго.

Вечер скоротали за тихую беседой. Маленькое общество, разделившись на две половины, говорило о предметах совершенно различных, совпадавших лишь изредка. С одной стороны, был мистер Вудхаус с его дорогой Изабеллой (чтобы вдоволь насладиться ее обществом, он решительно отказался от игры в карты), с другой – два мистера Найтли. Эмма же лишь изредка присоединялась к одной из пар.

Братья толковали о своих заботах и устремлениях, причем старший, будучи гораздо общительнее, говорил больше. Как мировой судья, он всегда находил юридический вопрос, в котором ему требовался совет, или же припоминал какой-нибудь забавный анекдотец. Как помещик, лично управлявший донуэллской фермой, он мог рассказать, какой урожай обещает принести в будущем году каждое поле, а также дать неизменно интересный для брата отчет обо всех новостях тех мест, в которых оба они провели большую часть жизни и к которым оба были привязаны. Рытье новой канавы, починка изгороди, рубка дерева, назначение каждого акра земли (где посеют пшеницу, где репу) – ко всему этому в равной мере Джон проявлял такой живой интерес, который только мог выказать при свойственной ему сдержанности. А ежели словоохотливый старший брат оставлял младшему предмет для вопроса, то вопрос этот делался даже с некоторым нетерпением.

Тем временем мистер Вудхаус, поддерживаемый дочерью, с наслаждением плыл по волнам сладостных сожалений и боязливой нежности.

– Дорогая моя бедняжка Изабелла, – молвил он, ласково касаясь руки миссис Найтли, чтобы на несколько мгновений прервать ее хлопоты с одним из пятерых детей. – Как долго, как ужасно долго ты не приезжала! И как ты, верно, устала с дороги! Тебе следует лечь пораньше, милочка, а перед сном я бы советовал тебе скушать немного жиденькой каши. Мы оба с тобой славно подкрепимся. Эмма, душенька, а отчего бы нам всем не съесть немного каши?

Но Эмма, зная, что братья Найтли столь же тверды в своей нелюбви к этому кушанью, как и она сама, велела принести только две мисочки. Сказав еще несколько хвalebных слов в адрес жидкой овсянки, которую по непостижимой для него причине не все желали есть каждый вечер, мистер Вудхаус молвил с грустной задумчивостью:

– Напрасно, милочка, вы провели эту осень в Саут-Энде, вместо того чтобы приехать сюда. Я никогда не находил морской воздух благотворным для здоровья.

– Мистер Уингфилд настоятельно его рекомендовал, сэр, иначе бы мы не поехали. Уверял, что прогулки вдоль побережья, а также морские купания полезны всем детям, а малышке Белле с ее слабым горлышком в особенности.

– В самом деле, милочка? Перри в этом сомневается. А сам я... уж не знаю, говорил ли я тебе об этом прежде... Сам я убежден, что от моря мало кому бывает польза. Меня оно, напротив, едва не убило однажды.

– *Papa!* – вскричала Эмма, настороженная небезопасным поворотом разговора. – Умоляю: не будем говорить о море, ведь я никогда его не видала и теперь завидую сестрице. Пусть Саут-Энд, с вашего позволения, станет для нас запретным предметом. Дорогая Изабелла, ты не спрашиваешь о мистере Перри, а он никогда тебя не забывает.

– Ах, славный мистер Перри! В добром ли он здравии, сэр?

– Он не то чтобы болен, милочка, но и не совсем здоров. Бедняга страдает разлитием желчи, а позаботиться о себе ему некогда. «Вечно, – говорит, – мне не до того». Это весьма печально. Целыми днями разъезжает он по нашей округе. Практика у него небывало обширная! Но и умом ему равных не сыщешь.

– Здорова ли миссис Перри? Как подросли детки? Мистер Перри – достойнейший человек. Надеюсь, скоро он нас посетит. Ему приятно будет повидать моих малышей.

– Я жду его завтра. Мне нужно задать ему парочку важных вопросов касательно моего здоровья. Как придет, ты, милочка, попроси его взглянуть на горлышко Беллы.

– Мой дорогой сэр, теперь оно у нее совсем не болит, и я спокойна. То ли морское купание помогло, то ли прописанное мистером Уингфилдом притирание, которое мы применяли время от времени с августа месяца.

– Маловероятно, милочка, чтобы купание могло принести пользу, а ежели бы я знал, что тебе для Беллы нужно притирание, я бы просил...

– Ты, кажется, позабыла о миссис и мисс Бейтс, – поспешила вмешаться Эмма. – Совсем про них не спрашиваешь.

– Ах да! Славные миссис и мисс Бейтс! Мне, право, очень совестно... Однако ты о них писала почти во всех своих письмах. Надеюсь, они здоровы. Добрая старушка! Завтра же ее навещу и возьму с собой деток. Она всегда бывает рада их видеть. А дочь ее, милейшая мисс Бейтс, – тоже весьма достойная женщина. Как они поживают, сэр?

– Сносно, в целом очень сносно. Правда, в прошлом месяце бедная миссис Бейтс подхватила ужасную простуду!

– Как жаль! Надобно сказать, этой осенью простуда свирепствовала, как никогда. Мистер Уингфилд не помнит, чтобы прежде случаи были так многочисленны и так тяжелы. Разве только в пору инфлюэнцы...

– Ты права, милочка, но лишь отчасти. Перри говорит, что простудой болели много, но легче, нежели зачастую бывает в ноябре. В целом больных у него оказалось не больше, чем обычно.

– У мистера Уингфилда, вероятно, тоже...

– Ах, мое бедное милое дитя! У столичных врачей всегда много больных. Разве можно в Лондоне быть здоровым? Как это ужасно, что тебе приходится там жить – так далеко от дома, в таком вредоносном климате!

– Нет, вовсе нет, в нашей части города воздух гораздо лучше, нежели в других. Весь Лондон, сэр, – это одно дело, а Брансуик-сквер – совсем другое. До чего у нас привольно дышится! Признаюсь, что не согласилась бы переселиться ни в какое другое место столицы. Только на Брансуик-сквер и можно жить с детьми. Такой воздух! Мистер Уингфилд очень хвалит его.

– И все же, милочка, с хартфилдским ваш воздух не сравнится. Ты стараешься, чтобы Лондон не слишком вам всем вредил, но, пробыв недельку здесь, вы становитесь много здоровее – сейчас заметно. Теперь же вид у вас довольно болезненный.

– Мне жаль это слышать, сэр, но поверьте: ежели не считать сердцебиения и нервических головных болей, которые нигде меня не оставляют, то я вполне здорова. А детки если и были несколько бледны, когда ложились спать, так это лишь оттого, что они утомлены более обыкновенного – долгой дорогой и радостным волнением встречи. Думаю, завтра их вид не внушит вам опасений. Поверьте, мистер Уингфилд сказал мне, что мы никогда еще не отправлялись в путь такими крепкими. Надеюсь, хотя бы супруг мой не кажется вам нездоровым?

При этих словах взгляд Изабеллы устремился с нежною тревогой на мужа.

– Не могу тебя порадовать, милочка: вид у Джона отнюдь не цветущий.

– Что, сэр? Вы обращаетесь ко мне? – спросил Найтли, услышав свое имя.

– Как это ни печально, мой милый, папенька находит, что ты выглядишь болезненно, – но надеюсь, это только от усталости. Однако, видно, не зря я хотела, чтобы ты показался мистеру Уингфилду перед отъездом.

– Дорогая моя Изабелла! – воскликнул супруг раздраженно. – Прошу тебя: не обременяй себя заботами о моем внешнем виде. Ты можешь сколько угодно дрожать над собой и над детьми, но мне позволительно выглядеть так, как я сочту нужным.

– Я не совсем поняла, – вмешалась Эмма, – что вы давеча говорили вашему брату о мистере Грейме. Он, кажется, хочет нанять для своего нового имения управляющего из Шотландии? К чему это нужно? И не осложнит ли дело давнее предубеждение против шотландцев, бытующее в нашем народе?

Молодая хозяйка Хартфилда говорила в таком духе до тех пор, пока не отвлекла всеобщего внимания от опасного предмета, а когда вновь прислушалась к беседе между отцом и сестрой, та благодушно расспрашивала его о Джейн Фэрфакс. Обыкновенно Эмма не любила говорить об этой особе, но в данную минуту рада была присоединиться к похвалам.

– Очаровательная Джейн Фэрфакс! – всплеснула руками миссис Джон Найтли. – Я давно ее не видала, ежели не считать случайных кратких встреч в городе. Как, должно быть, радуется ее добрая старая бабушка и милейшая тетушка, когда она приезжает к ним погостить! До чего это огорчительно для дорогой Эммы, что Джейн Фэрфакс не может бывать в Хайбери чаще! Полковник Кэмпбелл и его супруга, видно, совсем не хотят отпускать ее от себя после того, как выдали замуж дочь. А какой славной подругой стала бы Джейн Фэрфакс для Эммы!

Выразив согласие, мистер Вудхаус прибавил:

– Однако Харриет Смит, наш маленький дружок, тоже премилое юное создание. Она понравится тебе. Лучшей компаньонки Эмме не найти.

– Счастлива это слышать, но Джейн Фэрфакс все хвалят за ее таланты и превосходное воспитание. К тому ж они с Эммой одних лет.

Мирное продолжение этой беседы привело к другому предмету – столь же безобидному, – но прежде чем вечер завершился, разговор все же снова вошел на краткое время в беспокойное русло. Принесли овсяную кашу, что вызвало со стороны мистера Вудхауса многие похвалы ее полезным свойствам для всякого человека, а также суровую филиппику в адрес тех, кто не имел обыкновения употреблять это кушанье. Тут, к несчастью, миссис Джон Найтли привела последний, а потому наиболее вопиющий пример: молодая кухарка, нанятая ею на время пребывания их семейства в Саут-Энде, никак не могла уразуметь, что должна представлять собой добрая миска каши – не густой, но и не слишком жидкой, без комочков. Сколько Изабелла ни просила приготовить овсянку, ей ни разу не принесли ничего путного. Признание это оказалось опасным.

– Ах! – воскликнул мистер Вудхаус, качая головой и устремляя на дочь встревоженный взгляд.

Для Эммы его восклицание означало: «Не счесть пагубных последствий вашего путешествия в Саут-Энд! Как тяжело мне об этом говорить!» Сперва еще можно было надеяться, что старик и не станет продолжать разговор, а, помолчав немного, утешится поеданием собственной каши, но через несколько минут он все же сказал:

– Никогда не перестану сожалеть о вашей поездке на море. Было бы куда лучше приехать в Хартфилд.

– Уверяю вас, сожалеть вам не о чем: пребывание на побережье принесло много пользы и мне, и детям.

– Уж если тебе непременно нужно было отправиться на море, то лучше бы по крайней мере не в Саут-Энд. Это нездоровое место, и Перри был удивлен, что вы туда едете.

– Я знаю, так многие думают, но это совершеннейшее заблуждение, сэр. Мы все чувствовали себя отменно, и грязи не доставляли нам ни малейших неудобств. Мистер Уингфилд говорит, что это ошибка – называть Саут-Энд нездоровым местом. А на его слово, несомненно, можно положиться. Он прекрасно знает тамошний воздух, и собственный его брат с семейством не раз туда ездил.

– Тебе следовало ехать в Кроумер, милочка, коли на то пошло. Перри однажды провел в Кроумере целую неделю и считает, что это лучшее место для купаний. Там, говорит, спокойная

открытая вода и чистейший воздух. А комнаты можно снять в четверти мили от моря – не слишком близко и очень удобно. Напрасно ты не спросила совета у Перри.

– Но, дорогой сэр! Подумайте, каково было бы различие в расстоянии! Сто миль вместо сорока!

– Ах, милочка! Как говорит Перри, если дело касается здоровья, то ни с чем другим считаться не следует. Если уж вы собрались в путешествие, то где сорок миль, там и сто. Лучше вовсе не покидать Лондон, чем проехать сорок миль и попасть туда, где нездоровый воздух. Именно так мне сказал Перри. Он счел, что вы поступили неосмотрительно.

Все попытки Эммы остановить отца оказались напрасны, а потому, как и следовало ожидать, терпение ее зятя вскоре иссякло.

– Пусть мистер Перри, – произнес он тоном явного неудовольствия, – держит свое мнение при себе, покада его не спросят. Какое ему дело до того, в какую часть побережья везу я свою семью? Какое право он имеет одобрять меня или не одобрять? Полагаю, мне вполне позволительно полагаться на свое собственное суждение, а в его советах я нуждаюсь так же мало, как и в его снадобьях. – Помолчав, мистер Джон Найтли прибавил – с язвительной холодностью, но уже не столь гневно: – Пускай мистер Перри объяснит мне, как преодолеть сто тридцать миль с женой и пятью детьми, издержавшись и утомившись не более, чем если бы расстояние составляло всего сорок. Тогда я охотно предпочту Кроумер Саут-Энду.

– Верно, верно, – откликнулся старший мистер Найтли, чье вмешательство пришлось очень кстати. – Ты рассуждаешь справедливо. Но, Джон, ты помнишь, я говорил тебе, что хочу передвинуть тропу, ведущую в Лангем, так, чтобы она не шла через луга? Не вижу для этого никаких помех. Я бы не стал затевать такую перемену, если бы она могла принести неудобство жителям Хайбери, но ежели ты помнишь, как тропа идет сейчас... однако на карте все наглядней. Надеюсь, завтра ты будешь у меня в аббатстве, мы вместе поглядим, и ты скажешь мне свое мнение.

Мистер Вудхаус был несколько взволнован нелюбезными словами о его друге Перри, которому он, иногда сам того не сознавая, приписывал многие собственные мысли и чувства, однако нежное внимание дочерей мало-помалу успокоило старика, а бдительность одного брата и возросшая осторожность другого предотвратили новые вспышки.

Глава 13

Едва ли человеческому существу доступно большее счастье, нежели то, какое испытывала миссис Джон Найтли в пору своего пребывания в Хартфилде. Каждое утро она вместе с пятью детьми наносила визиты старым знакомым, а вечерами рассказывала обо всех дневных делах отцу и сестрице. Единственное, чего она могла еще пожелать, – так это замедлить ход времени. Каникулы всем хороши, но очень уж коротки.

Друзьям обыкновенно отдавали первую половину дня, вторую же приберегали для семейного круга, и все же одного званого ужина – рождественского – было не избежать. Мистер и миссис Уэстон не желали слышать возражений: в праздничный вечер гостей и хозяев Хартфилда непременно ждали в Рэндалсе. Даже мистер Вудхаус, поддавшись на уговоры, согласился ехать, дабы не расстраивать компанию.

При иных обстоятельствах старик непременно сказал бы, что им всем никак не добраться до имения Уэстонов. Однако, поскольку в Хартфилде стояли, вдобавок к собственным, экипаж и лошади мистера и миссис Джон Найтли, мистеру Вудхаусу пришлось ограничиться простым вопросом: «Как же мы поедем?» Эмма, не имевшая на этот счет ни малейших сомнений, без особого труда убедила его в том, что в одной из карет хватит места даже для мисс Смит.

Кроме давних знакомых старого джентльмена: Харриет, мистера Элтона и мистера Найтли, – Уэстоны никого к себе не звали. Собрание обещало быть немногочисленным, а часы не слишком поздними – привычки и склонности мистера Вудхауса во всем принимались в расчет.

Вечером накануне знаменательного события (то, что 24 декабря мистер Вудхаус ужинал вне дома, было событием поистине знаменательным) Харриет покинула Хартфилд с сильной простудой. Эмма позволила ей уехать лишь потому, что она сама решительно пожелала верить себя попечению миссис Годдард, но наутро явилась навестить больную. Та лежала в жару, горло у нее воспалилось, и о Рэндалсе не могло быть даже речи. Миссис Годдард заботливо ухаживала за своей подопечной и намеревалась послать за мистером Перри, а сама Харриет была слишком слаба, чтобы спорить. Ей пришлось расстаться с мыслью о вечернем торжестве, хоть она и не могла говорить о своей потере иначе, как со слезами.

Эмма долго сидела с ней, заменяя миссис Годдард в минуты неизбежного отсутствия последней и приободряя ослабленный дух подруги разговорами о том, как огорчится мистер Элтон, не найдя в Рэндалсе предмета своей любви. Когда задерживаться долее было уже нельзя, мисс Вудхаус покинула больную в достаточной мере утешенной приятной мыслью о разочаровании, предстоящем викарию, и о всеобщих сожалениях по поводу ее болезни.

Едва успев пройти несколько ярдов, Эмма повстречала самого мистера Элтона, шедшего, очевидно, осведомиться о мисс Смит. До него уже дошли слухи о том, что она занемогла, и он намеревался принести известия о ней в Хартфилд. Теперь, однако, он повернул назад и зашагал рядом с Эммой. Им встретился мистер Джон Найтли, возвращавшийся с двумя старшими сыновьями из аббатства Донуэлл, которое ежедневно посещал. Здоровый румянец на лицах детей свидетельствовал о пользе прогулок на свежем воздухе, обещая скорую расправу бараньему жаркому и рисовому пудингу, поджидавшим их дома. Все пятеро продолжили путь вместе.

– Горло у нее совсем красное, – молвила Эмма, описывая состояние своей подруги, – сильный жар, пульс частый и слабый. Она, к несчастью, очень подвержена простудам – так сказала мне миссис Годдард, которой уже не раз приходилось о ней тревожиться.

– Красное горло?! – с тревогою воскликнул мистер Элтон. – Надеюсь, это не заразно? Без гнойников? Смотрел ли ее Перри? О, вам следует заботиться и о себе самой – не только о друге! Умоляю: не подвергайте себя опасности! Отчего Перри ее не посмотрит?

Эмма, нисколько не напуганная, отчасти успокоила викария, сославшись на уверения опытной миссис Годдард, но чтобы он сделался совсем спокоен, ей не хотелось. Дабы поддержать в нем легкую тревогу, она, как будто бы переменив предмет разговора, сказала:

– До чего холодный выдался день! По всему можно предположить, что пойдет снег. Если б мы были приглашены в другой дом и другое общество, я бы, пожалуй, предпочла нынче вечером никуда не выходить и папеньку уговорила бы остаться. Но он уж решился ехать и покамест как будто не страдает от холода. Не стану его разубеждать, чтобы не огорчать мистера и миссис Уэстон. Но вас, мистер Элтон, они, я полагаю, извинят, ежели вы не приедете. Вы и так уж немного осипли, а если подумать, сколько вам завтра предстоит хлопотать и как напрягать голос, то и вовсе благоразумнее будет поберечь себя, оставшись дома.

Лицо мистера Элтона выразило некоторое замешательство – да он и в самом деле не знал, что ответить. С одной стороны, он был польщен заботой прекрасной юной леди и не желал ей противоречить, с другой – отнюдь не намеревался отменять поездку в Рэндалс, но Эмма, слишком увлеченная собственными домыслами, чтобы видеть и слышать мистера Элтона беспристрастно, осталась весьма довольна его растерянным согласием: «Холодный день... Да-да, очень холодный». Эти слова внушили ей приятную уверенность в том, что в Рэндалс он теперь не поедет, а значит, сможет каждый час посылать кого-нибудь справиться о Харриет.

– Вы правильно решили. Мы извинимся за вас перед мистером и миссис Уэстон.

Едва Эмма успела это сказать, в дело вмешался ее зять, любезно предложив викарию свой экипаж на случай, если единственное для него препятствие – скверная погода. Мистер Элтон с радостью согласился, и этого более не обсуждали: он ехал в Рэндалс. Никогда еще его красивое лицо не выражало такого удовольствия, никогда он так широко не улыбался и не смотрел так восторженно, как теперь, при взгляде на Эмму.

«Странно! – сказала она себе. – Я придумала ему такой благовидный предлог для отказа, а он все же едет на праздник, оставляя больную Харриет в одиночестве! Очень странно! По-видимому, многие мужчины, особенно неженатые, до того любят ездить в гости, что званый ужин для них превышает всех прочих удовольствий, занятий и даже обязательств. Выходит, мистер Элтон из таких. Человек он, несомненно, достойнейший, приятнейший и в Харриет очень влюблен, а отказаться от приглашения все же не может. Почитает своим долгом ехать, раз его позвали. Какое все-таки странное чувство любовь! Он видит в девушке «быстрый ум», но не согласен ради нее остаться ужинать дома».

Вскоре мистер Элтон отделился от компании и, что порадовало Эмму: откланиваясь, помянул мисс Смит с большим чувством. Дескать, прежде, чем я снова буду иметь удовольствие видеть вас, мисс Вудхаус, я непременно пошлю узнать о состоянии вашей прекрасной подруги и, надеюсь, привезу вам обнадеживающие вести. То, как он при этом улыбнулся и вздохнул, вновь склонило чашу весов в его пользу.

Несколько следующих минут прошли в полной тишине, после чего Джон Найтли молвил:

– В жизни не видывал я человека, который более мистера Элтона старался бы быть приятным. Угодить дамам для него труд, который он почитает прямо-таки своим долгом. С мужчинами рассудителен и сух, но если желает понравиться леди, тут уж ни одна черточка его лица не знает покоя.

– Манеры мистера Элтона небезукоризненны, – ответствовала Эмма, – но тому, кто хочет быть приятным, многое можно простить. Усердие даже при скромных возможностях имеет преимущество перед равнодушным совершенством. Мистера Элтона нельзя не ценить за исключительное добродушие и желание нравиться.

– О да, – произнес мистер Джон Найтли не без некоторого лукавства, – его желание нравиться вам не оставляет никаких сомнений.

– Мне? – в недоумении улыбнувшись, воскликнула Эмма. – Вы полагаете, предмет его чувств я?

– Признаюсь, эта мысль меня посетила. Если сами вы прежде не замечали знаков его внимания, так заметьте теперь.

– Мистер Элтон влюблен в меня! Надо же такое сказать!

– Этого я не утверждаю, но вы будете правы, ежели приглядитесь к нему внимательнее и станете вести себя осторожней. Ваше поведение с ним кажется мне обнадеживающим. Я говорю как друг, Эмма. Посмотрите вокруг и удостоверьтесь: не истолковываются ли ваши слова и поступки иначе, нежели вы подразумевали?

– Благодарю вас, но, поверьте, вы ошибаетесь насчет мистера Элтона и меня. Мы хорошие приятели, не более.

И Эмма зашагала дальше, развлекая себя мыслями о том, сколь нелепые заблуждения часто возникают у тех, кому известны не все обстоятельства дела, но кто при этом мнит себя первым судьей в любом вопросе. Ей неприятно было, что в представлении зятя она ничего вокруг не видит, ничего не смыслит и нуждается в руководстве. Он, однако, более не возвращался к этому предмету.

Мистер Вудхаус решительно был настроен ехать в гости, и даже крепнувший холод его не остановил. В назначенную минуту, без малейшего промедления, он сел вдвоем со старшей дочерью в собственный экипаж. Погода, казалось, беспокоила его менее, чем всех остальных: он слишком занят был мыслями о храброе своем поступке и о том удовольствии, которое доставит хозяевам Рэндалса, чтобы видеть происходящее за окном, и слишком тепло укутан, чтобы мерзнуть. Между тем холод усиливался, и, когда второй экипаж двинулся с места, на землю уже падали редкие снежинки. Тяжелые облака, затянувшие небо, обещали в весьма короткий срок окрасить мир белой краской – стоило только морозу чуть-чуть отступить.

Спутник Эммы, как она вскоре заметила, пребывал не в лучшем расположении духа. То, что в такую дурную погоду ему пришлось собраться в путь и покинуть уютный Хартфилд, пожертвовав послеобеденным отдыхом в обществе своих детей, представляло для него если не зло, то по меньшей мере неприятность. Он не ждал от званого ужина ничего такого, что оправдало бы неудобства, и в продолжение всего пути до пасторского дома Эмма принуждена была выслушивать изъяснения неудовольствия:

– Человек должен чрезвычайно лестно думать о собственной персоне, чтобы просить других покинуть домашний очаг и несколько миль ехать по такой погоде ради счастливой возможности встретиться с ним. Нужно считать себя приятнейшим из всех людей. Я бы никогда так не сделал. Экая нелепость! Снегопад-то в самом деле расходится! Безумцы и те, кто выманивает людей из-под теплого крова, и те, кто позволяет себя тревожить без особой надобности. Ежели долг или служебная надобность заставит нас покинуть дом в такую стужу, о, как мы будем сетовать на судьбу! Но в гости мы едем по доброй воле, зачастую одетые легче обыкновенного, и не внемлем голосу природы, которая, взывая ко всем нашим чувствам, велит нам самим беречься от непогоды и беречь все, чем мы дорожим. Нет же, мы срываемся с места, дабы провести пять скучнейших часов в чужом доме, где не услышим ничего такого, что не было сказано вчера и не будет сказано завтра. Погода сейчас уже прескверная, а на обратном пути будет, вероятно, еще хуже! Четырех лошадей и четверых слуг выгнали на холод только ради того, чтобы везти пятерых зябнувших хозяев из теплых комнат в более холодные и из лучшего общества в худшее.

Эмма не в состоянии была умиротворить мистера Джона Найтли тем одобрением, которое он, несомненно, привык получать. В отличие от всегдашней его спутницы она не твердила: «Ты совершенно прав, мой милый!» – но удержалась и от возражений. Ей не хотелось ни поддакивать зятю, ни ссориться с ним. Далее молчания ее героизм не простирался. Позволяя ему говорить, она куталась в плед и затыкала оконные щели, но не проронила ни единого слова.

Наконец они прибыли к пасторскому дому. Экипаж развернули, приступку опустили, и перед ними тотчас предстала щеголеватая черная фигура улыбающегося мистера Элтона.

Эмма обрадовалась тому, что более не нужно слушать ворчание зятя. Викарий был сама любезность и сама веселость. Та радость, которую он источал вместе с своими комплиментами, даже заставила мисс Вудхаус подумать, уж не получил ли он каких-либо обнадеживающих вестей о состоянии Харриет. Сама она посылала справиться о приятельнице, когда одевалась к ужину, и ей ответили: «Больной не легче».

– Миссис Годдард покамест не сообщила мне ничего отрадного, – сказала Эмма. – Моей подруге все так же тяжело.

Лицо викария мгновенно удлинилось.

– Ах, это в самом деле прискорбно! – воскликнул он с большим чувством. – Я как раз намеревался сказать вам, что, возвращаясь домой, чтобы переодеться к ужину, я заглянул к миссис Годдард, и мне ответили: «Состояние мисс Смит несколько не улучшилось, ей скорее даже хуже». О, как печально и как тревожно! Я-то полагал, что недуг ее отступит перед тем укрепляющим снадобьем, какое она получила нынче утром.

Эмма улыбнулась:

– Мое посещение, смею надеяться, помогло нервам Харриет, но даже мои чары бессильны против боли в горле. Простуда в самом деле тяжелая. Мистер Перри осмотрел бедняжку, как вы, верно, слышали.

– Да... Я предполагал... То есть нет, я не знал...

– Он уж не впервые лечит Харриет от такой болезни, и, надеюсь, завтра же мы услышим обнадеживающие известия. Однако трудно совсем не тревожиться. То, что сегодня она не может приехать, – большая потеря для нашей компании.

– Ах да, именно так! Ужасно! Нам всем ежеминутно будет не хватать мисс Смит!

Слова эти, как и вздох, за ними последовавший, были весьма уместны, однако печали мистера Элтона следовало бы длиться несколько долее. К некоторому недоумению Эммы, всего лишь через полминуты он заговорил о других предметах, причем голос его не выражал ничего, кроме живости и удовольствия:

– Как это славно придумано – отделявать экипажи овечьей кожей. Она превосходно защищает от холода! При новейших приспособлениях благородная публика может путешествовать с отменным удобством. Ни единое дуновение не проникнет внутрь кареты, ежели мы сами того не желаем. Путешествовать можно, совершенно не сообразуясь с погодой. Сегодня, к примеру, очень холодно, но здесь мы вовсе не чувствуем этого. Ха! Вот и снежинки!

– Да, – подхватил Джон Найтли. – И, полагаю, к ночи снегопад усилится.

– Рождество, – заметил мистер Элтон, – самая пора для снега. Нам еще следует радоваться, что он не выпал вчера и не помешал сегодняшней нашей поездке. Мистер Вудхаус едва ли отважился бы покинуть дом, если б дорогу сильно замело. Теперь, однако, снег нам уже не страшен. Рождественские вечера предназначены для дружеских встреч. Все созывают в гости добрых соседей, не боясь даже самой скверной погоды. Однажды снегопад на целую неделю задержал меня в доме приятеля. Чудесные были деньки! Ехал я всего на один вечер, а прогостил семеро суток кряду!

Мистер Джон Найтли, не видевший, по-видимому, никакой радости в подобных приключениях, холодно вымолвил:

– Не хотел бы я застрять на неделю в Рэндалсе.

В другое время эта беседа позабавила бы Эмму, но теперь она была встревожена веселостью мистера Элтона, который, предвкушая прелести званого ужина, словно бы вовсе забыл о Харриет.

– Комнаты, – продолжал он, – конечно же, отлично натоплены, и всем нам будет очень удобно. Мистер и миссис Уэстон – очаровательные люди! Она достойна самой высокой похвалы, а он так гостеприимен, так любит общество! Компания созвана небольшая, но, когда приглашены лишь избранные, это, пожалуй, приятней всего. В гостиной миссис Уэстон трудно

разместить со всеми удобствами более десяти человек. По моему мнению, лучше двоих не досчитаться, нежели терпеть тесноту оттого, что позвали двух лишних. Полагаю, вы со мной согласитесь, – при этих словах мистер Элтон с любезной улыбкой повернулся к Эмме, – а вот мистер Найтли, быть может, привык в Лондоне к более многолюдным собраниям и потому не вполне разделяет наши чувства.

– Многолюдные лондонские собрания меня никоим образом не касаются, сэр. Я всегда ужинаю дома.

– В самом деле? – произнес мистер Элтон тоном печального удивления. – Не знал я, что труд адвоката столь тяжкое рабство. Но, сэр, однажды вы будете вознаграждены за все ваши лишения. Вы сможете меньше времени посвящать делам и больше – удовольствиям.

– Я не жду иного удовольствия, – возразил Джон Найтли, когда экипаж въехал в ворота, – кроме как возвратиться в Хартфилд целым и невредимым.

Глава 14

Прежде чем войти в гостиную миссис Уэстон, обоим джентльменам надлежало произвести в себе перемены: мистеру Элтону умерить свой восторг, мистеру Джону Найтли – рассеять дурное настроение духа. Первому уместно было улыбаться меньше, второму – больше. Эмме же следовало держаться так, как подсказывала природа, и не скрывать своей радости. Вечер в доме Уэстонов сулил ей истинное наслаждение. Мнение ее о хозяине дома было самым лестным, а с его женой она могла говорить так свободно, как ни с одним другим существом в целом свете. Что бы ни желала поверить бывшей своей гувернантке – собственные маленькие замыслы и затруднения или же тревоги и радости отца, – мисс Вудхаус могла не сомневаться в том, что ее со вниманием выслушают и непременно поймут. Всякое событие хартфилдской жизни, даже самое незначительное, вызывало у миссис Уэстон живейший интерес. Посему полчаса ничем не прерываемой беседы о тех мелочах, которые и составляют счастье частного человека, были для обеих дам одним из первейших удовольствий.

Однако даже прогостив в Рэндалсе целый день, Эмме зачастую не удавалось улучшить такие полчаса. Теперь же, в первые минуты званого ужина, об уединении и подавно не следовало мечтать. Но уже сам вид миссис Уэстон, ее голос, улыбки и прикосновения радовали Эмму, и она решила сколь возможно меньше думать о странностях мистера Элтона, равно как и о других неприятных вещах, а приятными наслаждаться сколь возможно больше.

Еще до ее появления в гостиной хозяевам стало известно о болезни мисс Смит. Мистер Вудхаус, которого уже усадили в удобное кресло, поведал им эту печальную новость, а также всю историю собственного путешествия в Рэндалс в компании Изабеллы. Успел он и выразить надежду на скорое прибытие Эммы, и порадоваться, что Джеймсу выпала возможность повидать дочку-горничную. Тут в дом вошли остальные гости, и миссис Уэстон, до сих пор почти всецело поглощенная заботой о старике, наконец-то смогла от него отойти, чтобы приветствовать свою дорогую подругу.

Когда все расселись, Эмма не без досады обнаружила, что мистер Элтон, о котором она вознамерилась позабыть, сидит с ней рядом. Более того, при всяком мало-мальски удобном случае адресовался к ней, вместо того чтобы грустить о Харриет, и лицо его не выражало ничего, кроме удовольствия. Не в силах гнать от себя непрошенные мысли, Эмма думала: «Неужто все в самом деле так, как вообразил мой братец? Может ли быть, чтоб мистер Элтон, охладев к Харриет, сделал своим предметом меня? Ах нет, какая отвратительная нелепость!» И все-таки отчего он так беспокоился о том, тепло ли ей? Зачем угождал ее отцу и хвалил миссис Уэстон? Наконец, не говорила ли в нем любовь, когда он, столь мало смысливший в рисовании, восхищался творениями Эммы с таким несносным пылом, что ей едва хватало сил оставаться учливой?

Ради себя самой и ради Харриет она сдерживала гнев, все еще надеясь на благополучное завершение дела. Она даже была любезна с мистером Элтоном, хоть это и давалось ей тяжело – в особенности если глупая его болтовня мешала слушать других. Отвлекаемая им, Эмма не смогла разобрать, что именно говорил мистер Уэстон о своем сыне. До нее донеслись только неоднократно повторенные слова «мой сын» и «Фрэнк» да еще кое-какие обрывки фраз. Вероятно, речь шла о предстоящем приезде Фрэнка Черчилла в Рэндалс, но прежде чем Эмма сумела немного утихомирить мистера Элтона, этот предмет был совершенно оставлен, и возвращаться к нему оказалось неловко.

Несмотря на решимость Эммы никогда не выходить замуж, в самом имени Фрэнк Черчилл и в представлении о нем заключалось нечто такое, что всегда ее интересовало. Она часто думала (особенно после женитьбы его отца), что если бы все-таки пришлось сделаться чьей-то женой, то именно он был бы ей совершенной ровней и летами, и характером, и положением.

Казалось, они уже были связаны между собой благодаря близости их семейств, и Эмма не могла не подумать, что, верно, все местное общество прочит их в супруги друг другу. В том же, что мистер и миссис Уэстон имеют это в предмете, она нисколько не сомневалась. И хоть Эмма отнюдь не подразумевала, чтобы Фрэнк Черчилл или кто угодно иной мог пробудить в ней желание проститься с той жизнью, лучше которой она ничего для себя не мыслила, взглянуть на него ей было очень любопытно. Эмма заранее решила, что он непременно окажется приятным молодым человеком, а сама она в равной мере понравится ему. Размышления о том, какими узами свяжет их молва, доставляли ей своего рода удовольствие.

Любезности же мистера Элтона, напротив, были ужасно неуместны. Эмме оставалось лишь хвалить себя за внешнюю учтивость при ощущаемом ею раздражении и утешаться тем, что, прежде чем настанет пора уезжать, прямодушный мистер Уэстон непременно еще хоть раз заговорит о сыне. Так и вышло: за ужином, избавившись наконец от мистера Элтона, Эмма села подле хозяина, и он, когда седло барашка было нарезано, воспользовался первой же возможностью отвлечься от забот о гостях, чтобы сказать соседке:

– Для ровного числа нашей компании недостает двух человек. Вот если б тут были еще двое: ваша милая маленькая приятельница мисс Смит и мой сын, – тогда бы я сказал, что все общество в сборе. Вы, полагаю, этого не слыхали, но, пока мы сидели в гостиной, я сообщил остальным, что скоро мы ждем Фрэнка в гости. Нынче утром я получил от него письмо: обещается быть у нас не позднее чем через пару недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.